

Григорий
Гнесин

Воспоминания
бродячего
певца

Л и т е р а т у р н о е
н а с л е д и е

Григорий Гнесин

**Воспоминания бродячего
певца. Литературное наследие**

«Алетейя»

Гнесин Г. Ф.

Воспоминания бродячего певца. Литературное наследие /
Г. Ф. Гнесин — «Алетейя»,

ISBN 978-5-907189-63-8

Григорий Фабианович Гнесин (1884–1938) был самым младшим представителем этой семьи, и его судьба сегодня практически неизвестна, как и его обширное литературное наследие, большей частью никогда не издававшееся. Разносторонне одарённый от природы как музыкант, певец, литератор (поэт, драматург, переводчик), актёр, он прожил яркую и вместе с тем трагическую жизнь, окончившуюся расстрелом в 1938 году в Ленинграде. Предлагаемая вниманию читателей книга Григория Гнесина «Воспоминания бродячего певца» впервые была опубликована в 1917 году в Петрограде, в 1997 году была переиздана. В ней автор с увлечением и любовью описывает свои странствия по Италии, куда он отправился в 19 лет. Издание дополнено материалами из фондов Мемориального музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной (Москва) и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург): это сказочная тетралогия «Терезита, царевна северной страны», две радиопьесы, а также некоторые из его многочисленных стихотворений, все они публикуются впервые.

ISBN 978-5-907189-63-8

© Гнесин Г. Ф.

© Алетейя

Содержание

От составителя	5
В. В. Тропп	7
Воспоминания бродячего певца	16
Встреча в Венеции	17
С гитарой до Болоньи	23
Встреча в Болонье	26
С гитарой до Рима	31
В комической труппе	40
Встреча на Везувии	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Г. Ф. Гнесин

Воспоминания бродячего певца Литературное наследие

От составителя

Настоящее издание обращено к литературному наследию Григория Фабиановича Гнесина (1884–1938) – самого младшего, незаслуженно забытого представителя знаменитой семьи Гнесиных.

Разносторонне одарённый от природы как музыкант, певец, литератор (поэт, драматург, переводчик), актёр, он прожил яркую и вместе с тем трагическую жизнь, насыщенную всевозможными событиями и неожиданными поворотами. Родился в 1884 году в Ростове-на-Дону, как и все дети Гнесиных (Григорий был девятым по счёту ребёнком в семье). Учился в Ростове, затем в Петербурге (Технологический институт). Обладал прекрасным голосом (баритоном), постоянно пел в различных концертах. После участия в революционных событиях 1905 года был сослан в Финляндию, где, в Куоккале Гнесин общался с Маяковским, Мейерхольдом, Чуковским и многими другими представителями Серебряного века. Вернувшись в Россию, жил в Крыму, в Ростове-на-Дону, в Мурманске (где работал на строительстве железной дороги), в Петрозаводске (играл в театре и даже организовал театральную студию). После 1920 года обосновался в Петрограде–Ленинграде, где и прожил до конца своих дней. В 1930-е годы он вёл популярную в Ленинграде передачу для детей на радио «Дядя Гриша рассказывает», для которой сам писал стихи, сказки, музыку; работал также в библиотеках Государственной певческой капеллы и Радиокomiteта, регулярно играл на сцене, вёл просветительскую деятельность, занимался переводами. В ноябре 1937 года он был арестован по ложному обвинению в шпионаже, а в феврале 1938 года – расстрелян.

В своё время, в возрасте 19 лет, Григорий Фабианович отправился в авантюрную поездку по Италии: Венеция, Болонья, Рим, Флоренция, Неаполь, Сицилия и другие прекрасные места этой страны, в которую Гнесин сразу влюбился. Полтора года он со своей гитарой разъезжал по городам, пел... О странствиях и порой опасных приключениях десятилетие спустя им была написана увлекательная книга «Воспоминания бродячего певца. Очерки Италии», изданная в Петрограде. Как указано в первом издании, очерки «Встреча в Венеции», «С гитарой до Болоньи», «С гитарой до Рима» и «Чудо св. Яннуария» публиковались прежде в «Летописи», IV, 1916; «В комической труппе» – в Ежегоднике «Театра и Искусства», II–III, 1916; «С гитарой по Сицилии и Тунису» – в «Вестнике Европы», II, 1917. В полном виде текст «Воспоминаний бродячего певца» был напечатан в 1917 году (Издание М. Семенова, Петроград).

Столетие со дня первого издания побудило нас вновь обратиться к этому замечательному литературному произведению. Эта книга почти сразу после выхода стала библиографической редкостью, хотя ещё сам автор мечтал в своё время о её переиздании и даже обращался с таким предложением к А. М. Горькому. В 1997 году книга была вновь опубликована в журнале «Россияне», но и этот тираж уже давно разошёлся.

В процессе работы над книгой возникла идея дополнить её другими архивными материалами; кроме того, постоянно открывались новые, неизвестные факты, проливающие свет на некоторые обстоятельства биографии Григория Гнесина. Это определило в конечном счёте структуру настоящего издания, куда, помимо «Воспоминаний...», вошли драматические, поэтические и прозаические произведения, составляющие лишь малую часть литературного наследия Гнесина.

За основу «Воспоминаний бродячего певца» был взят текст переиздания 1997 года, сверенный с первым оригинальным изданием. Все остальные тексты Г. Ф. Гнесина публикуются впервые.

Во второй раздел книги помещены материалы из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Это тексты двух радиопьес Г. Ф. Гнесина – «Джузеппе Верди. Последний из могикан» и «Жизнь и смерть Никколо Паганини, чародея музыки», а также сатирическая трагедия «Хлюнь-Плюнь-Тьфу!» В третий раздел вошли тексты Григория Гнесина из фондов Мемориального музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной (далее – ММКЕлФГ) – сказочная тетралогия «Терезита, царевна северной страны», а также более 30 стихотворений, написанных в 1900-е – 1930-е годы.

Все тексты Г. Ф. Гнесина воспроизводятся в современной орфографии, но с сохранением в большинстве случаев авторской оригинальной пунктуации. За исключением «Воспоминаний бродячего певца», содержащих авторские примечания, во всех остальных произведениях Г. Ф. Гнесина комментарии принадлежат составителям, если не указано иное.

В работе над изданием принимали участие:

В. В. Тропп – вступительная статья «Григорий Гнесин: мечты об Италии и судьба в России»;

М. Г. Талалай и С. Сени – обзор и публикация текстов Г. Ф. Гнесина из ОР РНБ;

Л. В. Голубева – обзор архива Г. Ф. Гнесина в фондах ММКЕлФГ;

А. С. Авдеева, Е. П. Костина и Н. А. Потемкина – публикация и редакция поэтических текстов из фондов ММКЕлФГ.

В. В. Тропп

Григорий Гнесин: мечты об Италии и судьба в России

...Хотя на пароходе было немного иностранцев, но они ещё теснее сплотились вокруг нас, когда мы запели вольные канцоны Италии, весёлые французские куплеты и тягучие русские песни. Голоса отдохнули, на душе была какая-то лёгкость, словно мы и в самом деле погрузились в сказку... Мы много пели, нас угощали вином и фруктами, а одна старая французженка воскликнула: «Счастливые! Вы так молоды и так свежи! Такие «корольки» рождаются только под солнцем Италии!» Я не разочаровывал её, потому что мне самому подчас казалось, да и теперь нередко кажется, что я действительно родился в Италии.

Так пишет в своей книге «Воспоминания бродячего певца» Григорий Фабианович Гнесин – самый младший брат в большой, знаменитой музыкальной семье. Однако, если имена основателей крупнейшего комплекса учебных заведений достаточно широко известны (да и увековечены в названии этих учреждений), то Григорий Гнесин относится к тем фигурам нашей культуры, которые проходят под рубрикой «забытые имена». И хотя популярнейший испанский романс «Чёрный веер» всегда звучит по-русски именно в переводе Г. Гнесина, как и некоторые неаполитанские песни, имя автора перевода никогда не объявляется. Увы, целая плеяда выдающихся художников оказалась исчезнувшей, и многие из них время от времени воскресают из небытия. Причины этого – трагическое несовпадение с жестокой эпохой, выразившееся в гонениях, «закрытии», письме «в стол», в эмиграции, наконец, и в физическом уничтожении, как произошло с Григорием Гнесиным, расстрелянным в Ленинграде в феврале 1938 года.

В нашем случае уместны аналогии, прежде всего, с петербургским миром первой половины XX века. Это – составляющие круг Гнесина такие писатели, как К. Вагинов, Н. Евреинов, Д. Хармс, А. Введенский, художник Н. Кульбин, актёр Б. Пронин и другие постоянные посетители знаменитого кабаре «Бродячая собака» – необычные, неоднозначные художественные личности, отразившие разнообразные метания сложного, иногда причудливого мира Серебряного века. Григорий Гнесин был очень ярким представителем мира Серебряного века – человек авантюрный, часто менявший место жительства и род деятельности, резкий и увлекающийся, а главное – необыкновенно разносторонний. Его талант был совершенно удивительным: замечательный певец-баритон, драматический актёр, писатель – поэт, драматург и переводчик! Что было главным его призванием – трудно сказать: он с увлечением отдавался то одной, то другой из своих ипостасей. При этом – человек с неодолимой жадой просветительства, невероятный эрудит и страстный библиофил, к тому же, всегда горячо откликавшийся на общественные события – и охотно участвовавший в них, смело оказываясь в гуще опасных происшествий... Казалось бы, такая редкая одарённость личности воплотится в творческом успехе и богатом наследии. К сожалению, судьба младшего Гнесина была чрезвычайно трагичной, что сказалось на его наследии и способствовало почти полному забвению.

Отчасти необычную и бурную биографию нашего героя определил его собственный характер. Известно высказывание Зинаиды Райх, хорошо знавшей и Михаила Гнесина, тесно связанного с Мейерхольдом, и его младшего брата, у которого Мейерхольды бывали: «Как – в таком благовоспитанном семействе – и такой авантюрист!» «...Характер был трудным, очень неровным. Там, где он себя чувствовал, что называется, в своей тарелке, он становился очень весёлым, жизнерадостным, общительным и умел быть в центре внимания, чувствовал

себя великолепно... Те же, кто попадал в его другое настроение, имели о нём другое мнение, считали его крайне раздражительным», – вспоминала дочь Г. Ф. Гнесина, Евгения Григорьевна¹.

Еще в детстве младший – Гриша – был самым непослушным и упрямым из девяти детей Гнесиных. Родившись 17 июня 1884 года в Ростове-на-Дону, в семье раввина, он рос вместе с братом Михаилом² (они были погодками) и впоследствии оставался с ним очень близок, что явствует из переписки между ними. Их путь поначалу был схожим: оба учились в Ростове в Петровском реальном училище, а затем отправились в Петербург. Однако, если для Михаила Фабиановича этот город, хотя и сыграл ключевую роль в его становлении, всё же не стал самым главным домом в жизни, то для Григория он остался «своим» городом навсегда, и здесь происходили основные события его жизни. В отличие от брата он – единственный среди всех детей, кто унаследовал от матери и её сестёр талант певца³ – не решается избрать музыку своей основной профессией. Приехав вслед за Михаилом, уже учившимся в Петербургской консерватории, в столицу, он поступает на химический факультет Технологического института.

Все последующие периоды биографии Гнесина содержат много лакун, что, во многом, связано и с постоянной жадой путешествий и приключений, толкавшей на многие смены «места действия». Так, видимо, стремление увидеть мир побудило студента-химика поменять место учёбы – вначале поступить в Дармштадтский, а затем в Женевский университет. Для семьи это было неожиданным, и, скорее всего, он не считал нужным обо всем ставить её в известность. Авантюризм сказался здесь в рискованных перемещениях без средств к существованию (сохранилось сердитое письмо Елены Фабиановны Гнесиной, где она сетует на то, что Гриша пишет только тогда, когда ему понадобится выслать денег). В Женеве, тем не менее, он оканчивает курс и даже получает диплом доктора естественных наук по специальности химия⁴.

Именно оттуда он отправляется в длительное (около полутора лет) путешествие по Италии, осуществив сокровенную мечту. Если поначалу план не столь уж долгого пребывания там заключался в занятиях пением, то в итоге поездка стала настоящими странствиями – «Воспоминаниями бродячего певца» впоследствии назвал Григорий Гнесин свою книгу, рассказывающую об этих приключениях, в полной мере воплотивших в жизнь все авантурные склонности молодого путешественника. Нет никаких документальных свидетельств об этом странствии с гитарой в руках и шляпой, в которую кидали монеты (пение было единственным источником существования, за исключением короткого пребывания в труппе *del arte*). О путешествии мы можем судить только по упомянутой книге, написанной спустя десять лет и вышедшей с подзаголовком «Очерки Италии».

Что в ней является вымыслом, а что правдой? Неизвестно, но вероятно, что в этом путешествии отчаянного, талантливого юноши 19–20 лет, наделённого богатым воображением и восторженным, любовным отношением к этой стране, сказка переплеталась с реальностью. *«Прощай, Италия! Прощай, единственная в мире – родина для всех! Прощай, лучшая сказка, которая сохранилась на земле, на радость человечеству!»* – так заканчивает он своё главное литературное произведение. Трудно поверить в жуткую и захватывающую историю «*Vilancía*» (когда разбойники должны были разорвать его на части страшным способом

¹ См. воспоминания Е. Г. Гнесиной, опубликованные в настоящем издании.

² Первым музыкальным наставником братьев Гнесиных стал кантор синагоги Э. Герович. Впоследствии Михаил Фабианович (1883–1957) стал выдающимся композитором, педагогом, исследователем и музыкально-общественным деятелем. Это тоже еще недооценённая в достаточной мере масштабная фигура в истории нашего искусства (хотя его имя никогда не подвергалось забвению).

³ И мать Гнесиных, и две её сестры обладали прекрасными голосами. Обе они – Генриетта Данишевская и Цецилия Каведани (Каждан) – получили консерваторское образование и стали профессиональными певицами: последняя была солисткой театра Ла Скала в Милане. О встречах Григория Гнесина с ней в Италии ничего не известно.

⁴ Это явствует из личного дела Г. Ф. Гнесина, хранящегося в Национальном архиве Республики Карелия.

– привязав к двум деревьям), но верится, что автор действительно бывал среди «Каморры»⁵. «Воспоминания» местами имеют схожую канву с «Мемуарами Казановы»; впрочем, вряд ли все прекрасные дамы, встречавшиеся на пути путешественника, среди которых были и венецианские герцогини, существовали в действительности. Но очень увлекающимся человеком, имевшим много романов, Гнесин оставался и в более поздние годы, а наиболее значительная и подробно описанная героиня книги – рыбачка Мелитта, конечно, не выдумана: по свидетельству дочери Г. Ф. Гнесина, у него хранилась её фотография. Безусловно, не выдуман и рассказ об участии в труппе *del arte*, где, вероятно, по-настоящему раскрылись его актёрские способности и преданная любовь к театру, оставшаяся навсегда. Вся книга об Италии написана легко, увлекательно и содержит множество легенд об этой прекрасной стране. Столь ли важно, при каких обстоятельствах и кем именно они были рассказаны автору, и не являются ли некоторые описания «участника событий» лишь пересказом услышанных историй? Символично, что «Воспоминания бродячего певца» оказались единственным изданным литературным произведением Гнесина. А Италия постоянно влекла его к себе⁶.

Как и Михаил Фабианович, его младший брат с ранних лет глубоко сочувствовал социал-демократическим идеям и принимал участие в революционных выступлениях 1905 года. Он оказался наиболее пострадавшим в результате студенческих волнений, проходивших в Петербургской консерватории. Одним из главных зачинщиков этих бурных событий был как раз М. Гнесин⁷. Как и в Московской консерватории, студенты решили добиваться своих требований с помощью своего рода «химической атаки» – обливали каким-то составом здание консерватории. Изготовить этот состав они попросили наиболее близкого им химика – Григория Гнесина. В данном случае скорее выполняя просьбу основных участников выступления (хотя, безусловно, им сочувствуя), он оказался не только арестован вместе с ними, но и подвергнут самому тяжёлому преследованию: его не выпустили из-под ареста, а заключили в тюрьму, а затем приговорили к ссылке. Мало того, что эти события лишили Гнесина надежды учиться в консерватории как вокалисту (о чём была договорённость с А. К. Глазуновым, впоследствии ректором консерватории), но и привели к тяжелейшим испытаниям, душевным травмам и нервному заболеванию, дававшему о себе знать и в последующие годы.

Хроника дальнейших событий его жизни известна достаточно фрагментарно: это пребывание в Алуште и в Ростове, потом отъезд за границу, работа грузчиком в английском порту, вследствие чего он повредил себе позвоночник⁸ (впрочем, когда именно это происходило – неизвестно), вновь пребывание в любимой Италии – на этот раз большей частью в Риме. Этому предшествовали новый арест (возможно, связанный с агитацией среди матросов), угроза призыва в армию и ссылка в Финляндию, заменившая, по-видимому, после хлопот А. И. Зилоги, первоначально назначенную в Вологодскую губернию. В это время Григорий Фабианович постоянно занят литературным творчеством. Он пишет массу стихов (особенно плодотворным для него было время, проведенное в Куоккале), пьесы, делает переводы с итальянского и немецкого, сочиняет песни. Появляются очерки об Англии и, наконец, посвящённая «итальянским друзьям, друзьям Италии» вышеупомянутая книга «Очерки Италии».

В этот период он стал активным и ярким участником литературно-театральных обществ. Одним из его близких друзей становится основатель театра «Кривое зеркало», близкий ему

⁵ Каморра – итальянская тайная преступная организация, с XVIII века занимавшаяся контрабандой, грабежами и т. д. (одну из таких шаяк и описывает Гнесин в своей книге). Интерес к итальянской мафии в начале XX века проявляли в России различные деятели искусства: знаменитый меценат С. И. Мамонтов написал либретто для оперы Э. Эспозито «Каморра» в 1902–1903 гг. (в 1903 году была с успехом поставлена в Москве, в театре «Эрмитаж»). *Bilancia* (ит.) – «весы», страшный вид казни, описываемый Г. Гнесиным в одном из очерков.

⁶ В 1924 году в сборнике «Стожары» были опубликованы 4 стихотворения Г. Ф. Гнесина под общим подзаголовком «Отзвуки Италии»: «Венеция», «Флоренция», «Рим», «Сорренто» (Петроград: Издательство «Север», 1924, с. 3–5).

⁷ См. об этом: Гнесин М. Ф. Мысли и воспоминания о Римском-Корсакове. М., 1956. С. 299–330.

⁸ Описание этого есть в воспоминаниях Е. Г. Гнесиной.

по духу драматург и режиссёр Н. Н. Евреинов. Гнесин стал завсегдатаем кабаре «Бродячая собака» почти с самого начала его существования; связывали их и другие «проекты». Находясь в Куоккале, он бывает у Чуковского, общается с Мейерхольдом и многими другими артистами и художниками и даже сочиняет «Гимн Куоккале». Известно и о его поездке в Норвегию. Однако возможные перспективы литературных публикаций, постановок пьес, участие в концертах и спектаклях – всё это сосуществует с тяжелой материальной нуждой. К тому же, как выяснилось из петрозаводских архивов, с 1909 года у него имеются гражданская жена и ребенок⁹.

Покинув Куоккалу и Петербург, в 1916 году он поступает на строительство железной дороги через Карелию в Мурманск. Всё время, проведённое там – вначале в Мурманске, а затем в Петрозаводске – тяжелейшие испытания в жизни Григория Фабиановича. Красноречивым документом, свидетельствующим о пережитых им событиях, является письмо 1919 года, написанное в Петрозаводске:

«Заведующему Административной Частью бывш[его] Завед[ующего] Театральным Отделом, ныне ст[аршего] конторщика Админ[истративной] части Григория Гнесина

Докладная записка

Настоящим разрешаю себе к Вам обратиться с нижеследующим: служа на Мурманстройке с 1916 года в должности заведующего культурно-просветительным отделом, я в марте 1918 г. получил приглашение от начальника просветительного отдела эксплуатации дороги – занять должность зав. театральным отделом с окладом 12000 в год. Несмотря на то, что переезд на линию лишил меня всех добавочных заработков по моей специальности театральной и литературной – я немедленно отправился в Петрозаводск, где при самых невыносимых жизненных условиях вёл свою просветительскую работу организации и пропаганды художественно-воспитательного театра – среди линейных служащих дороги.

По мере занятия англофранцузами огромной части дороги – работа моя суживалась в территориальном отношении, но зато сгущалась, и, при попущении «власти на местах» была бесконечно трудной и утомительной. В январе 1919 г. при вступлении в должность комиссара культурно-просветительного отдела Брянского – для меня выяснилась невозможность плодотворной творческой работы порученной мне области просвещения, – и при эвакуации управления в Петроград – моя роль театрального руководителя закончилась.

Но так как на мою просьбу об увольнении в январе месяце – мне было отказано, то по приезде в Петроград – я уже не смог найти подходящей работы, ибо в марте – все театральные труппы были заполнены. Таким образом я оставался – после года утомительного труда – усталый и разбитый – без всяких средств к существованию. На мою просьбу о предоставлении мне какой-либо иной, более спокойной должности, где бы я мог быть полезным, – мне предложено было временно занять место ст. конторщика в организуемом отделе Быта и Труда, с тем, что я буду использован либо в отделе печати, как человек с высшим образованием, владеющий несколькими языками и многолетним литературно-журнальным опытом, либо у меня будут сосредоточены организательные функции по всем культурно-просветительским начинаниям.

⁹ Сведения из Личного дела Г. Ф. Гнесина. В 1918 году он указывает, что проживает с ними раздельно, но содержит на своём иждивении. О дальнейшей судьбе его сына ничего неизвестно.

Тем не менее с 15 марта с. г. состоя ст. конторщиком и изучив все те вопросы, с которыми приходится сталкиваться в отделе быта и труда, я никакого дальнейшего движения по службе не получал, тогда как лица поступившие позже – продвигались дальше.

С 12 июня с. г. к моим обязанностям прибавилась огромная, утомительная и весьма ответственная работа «агента особого учёта», причём я принял её в весьма хаотичном виде и должен был немало внеурочного и неоплаченного времени употребить на приведение дел в порядок.

При наличии массы вопросов по отделу Быта и Труда при немногих работницах я фактически исполнял обязанности помощника делопроизводителя, а в дни отпуска делопроизводителя замещал его, наряду со своей собственной обязательной работой.

И всё-таки никакого движения по службе я не получал, несмотря на неоднократные указания моих ближайших начальников на то, что я этого стою и по работе и по способностям.

В настоящее время – при полной невозможности – существовать с семьёй на заработок в 2900 р. в месяц, при отсутствии побочных заработков, и при сознании, что по своим организаторским способностям, я, как бывший заведующий отделом, мог и должен был быть водворён в должности, где бы я мог проявить и знания, и инициативу, – я обращаюсь к Вам с просьбой о предоставлении мне должности более соответствующей моему служебному стажу, знаниям, – а также рассмотреть – по сколько справедливо оплачивается моя работа с 12 июня с. г. по X разряду.

Григорий Гнесин.

26 ноября 1919 г.

При сём прилагаю две копии с документов, подтверждающих мои прежние должности»

10.

В течение этого периода он активно ставит пьесы в самодеятельном театре, в том числе переведённые им «масленичные шутки» Ганса Сакса, где выступает и как актёр. Сохранились фотографии двух таких спектаклей, в действительности же, очевидно, их было значительно больше. Подобная деятельность продолжалась и позже в Ленинграде – вплоть до 1930-х годов, когда он постоянно готовил спектакли в детском доме, где руководил драмкружком.

Наконец, в 1920 году ему удаётся вырваться в Петроград. К этому времени у него появилась постоянная семья – в 1919 году он женился на Марии Рудневой¹¹ (сестре одного из крупнейших советских архитекторов Льва Руднева, автора проекта высотного здания МГУ). Интересна история этой женитьбы, весьма отвечающая характеру и стилю жизни Григория Фабиановича. Лев Руднев приютил бездомного Гнесина в своей квартире, а сам надолго уехал. Когда он вернулся, в квартире жили не только его сестра, ставшая женой «бездомного гостя», но и их дочка Женечка, а самому хозяину пришлось искать новое жильё.

Все последующие годы жизни Гнесина связаны только с Ленинградом, хотя летом он неизменно отправлялся путешествовать в любимые им горы. Его работа здесь весьма насыщена и разнообразна. Это и просветительская деятельность, и работа для детей, и многочисленные переводы, и радио. Именно на радио Григорий Фабианович стал широко известным юным слушателям и их родителям благодаря передаче «Дядя Гриша рассказывает». В ходе подбора материалов для радиопередач он много контактировал с замечательными детскими писателями – Шварцем, Маршаком, Чуковским, Олейниковым, Хармсом, сочинял песни на их стихи. Будучи одним из самых крупных библиофилов, Гнесин собрал ценнейшую нотную библиотеку, в которой было много старинных опер и хоровых произведений (в особенности

¹⁰ Национальный архив Республики Карелия, фонд Р-528, оп. 20, д. 6422, л. 23.

¹¹ Впоследствии М. В. Гнесина (Руднева) была сотрудником двух этнографических музеев в Ленинграде.

итальянских). Из собственной коллекции им была создана нотная библиотека Радиокomiteта, заведующим которой он стал (в конце жизни работал также библиотекарем в Государственной певческой капелле). Это позволило вести на радио и передачу «Старинная музыка», также пользовавшуюся популярностью. Он создавал сценарии и готовил радиопостановки о великих композиторах, выступал с лекциями и концертами. Грандиозный замысел просветительского характера, который остался неосуществлённым – создание «Истории стилей мирового искусства». Гнесин собрал огромное количество иллюстративных материалов для этой работы. В 1930-е годы были сделаны переводы ряда крупных произведений – оперы Паизиелло «Севильский цирюльник», «Страстей по Матфею» Баха (заказанный в связи с исполнением в Ленинградской филармонии под управлением Ф. Штидри¹²), а также песен Беранже. Наконец, продолжались театральные выступления в качестве актёра (в том числе в театральных труппах, возглавляемых П. Гайдебуровым и С. Радловым), сочинение стихов и, конечно, пение.

Все это мгновенно и страшно оборвалось – Григорий Фабианович был арестован в ноябре 1937 года по абсурдному обвинению и приговорён к расстрелу, 4 февраля 1938 года приговор был приведён в исполнение. В 1956 году Гнесин был полностью реабилитирован. Еще в 1940 году Елена Фабиановна Гнесина предприняла попытку узнать о его судьбе и добилась телефонного разговора с самим Берией (она как раз стала депутатом Моссовета, и этот статус позволял ей добиваться приема на высоком уровне). Однако, ей в итоге были сообщены ложные сведения о смерти в лагере на Дальнем Востоке; также вымышленные даты стояли в справке о реабилитации – такова была установка, действовавшая в отношении всех запросов родственников. Сразу после приговора всё его имущество было конфисковано, а жена и дочь высланы из Ленинграда в Башкирию. Через год с небольшим удалось вернуться дочери, а через два с половиной – жене. Однако Марии Владимировне довелось прожить очень недолго: в марте 1942 года она умерла от голода в блокадном Ленинграде. Евгения Григорьевна вскоре была эвакуирована и после тяжелейших военных испытаний и скитаний в 1943 году оказалась в Москве, где прожила очень долгую жизнь: её не стало в 2014 году в возрасте 93 лет¹³.

После ареста Г. Ф. Гнесина пропали и его богатейшая библиотека, и почти весь архив. Впоследствии какие-то фрагменты библиотеки обнаружились в Государственной публичной библиотеке (ныне РНБ). В день ареста Михаил Фабианович Гнесин увёз к себе что-то из архива, однако, во время войны его квартира была частично разрушена бомбардировкой. Остались лишь некоторые письма, фотографии, несколько рукописных фрагментов (в том числе музыкальных и детских), а также некоторые подборки иллюстраций для «Истории стилей мирового искусства». Большую часть этого архива Е. Г. Гнесина передала в 1995 году в Мемориальный музей-квартиру Ел. Ф. Гнесиной¹⁴. Все его записи на радио были уничтожены. А из творческого наследия были изданы, помимо книги «Воспоминания бродячего певца», лишь «Детские песенки» (ещё в 1917 году) и изъятые из продажи, но уцелевшие в отдельных провинциальных магазинах два выпуска «Неаполитанских песен» с его переводами.

После реабилитации имя Григория Гнесина «всплывало» крайне редко. Наиболее значимым стал выход знаменитого альманаха «Чукоккала» К. Чуковского (первый раз – в 1979 году), где имелись сразу два – и каких! – свидетельства о нём. Это написанная Гнесиным стихотворная «Ода Н. Н. Евреинову» (остроумно составленная из названий его произведений) и карандашный рисунок, сделанный В. В. Маяковским, изображавший «композитора Г. Гне-

¹² Австрийский дирижер Фриц Штидри (1883–1968), ученик Г. Малера, в 1933 году эмигрировал из фашистской Германии и в течение пяти лет жил в Ленинграде, где руководил Заслуженным коллективом Академическим симфоническим оркестром Ленинградской филармонии (после него этот пост занял Е. А. Мравинский).

¹³ Е. Г. Гнесина была захоронена в могиле М. Ф. Гнесина на Новодевичьем кладбище, и там же были установлены символические кенотафы в память о её родителях, не имеющих могил.

¹⁴ См. обзор архива Г. Ф. Гнесина в фондах Мемориального музея-квартиры Ел. Ф. Гнесиной, помещённый в настоящем издании.

сина» (очевидно, таковым его считал Маяковский). Небольшой рассказ о встрече с Гнесиным имелся в опубликованных мемуарах известного певца А. П. Иванова – в связи с предложением Гнесина исполнить оперу Понкьелли, хранившуюся в его библиотеке¹⁵. В 1986 году в Музее-квартире Ел. Ф. Гнесиной впервые состоялся вечер памяти Г. Гнесина, где выступала с воспоминаниями его дочь и звучали фрагменты из книги. Показательно, что несколько человек обращались в музей в связи с допущенной «ошибкой в афише»: они сочли, что имя «Григорий» было написано случайно вместо «Михаил» – настолько безвестным оставалось оно. Более активно попытки «воскрешения из небытия» предпринимались со второй половины 1990-х годов. Состоялся ещё один вечер памяти в музее, прошла радиопередача на радио «Орфей», наконец, вышло переиздание (через 80 лет) книги «Воспоминания бродячего певца», давно ставшей библиографической редкостью. Первая большая статья, посвящённая Г. Ф. Гнесину, принадлежала О. Ахматовой, которая, будучи студенткой, сделала начальное описание небольшого архива в музее.

Недавно сотрудники Национального архива Республики Карелия обнаружили личное дело Гнесина, включающее много свидетельств о его работе и жизни в Петрозаводске¹⁶. Однако, самое важное открытие произошло в Санкт-Петербурге. Дочь Гнесина, Евгения Григорьевна, была убеждена, что, кроме книги об Италии и небольших фрагментов (включающих и полный текст пьесы «Терезита, царица северной страны»), навсегда исчезло все наследие её отца. Долгое время никто не знал, что в отделе рукописей РНБ существует фонд Г. Гнесина (если сотрудники библиотеки и знали, то не придавали этому значения), в котором имеется 30 рукописных текстов его произведений¹⁷; один из них – альбом «Мои песни» из 450 стихотворений. Воистину, «рукописи не горят»! По всей вероятности, во время блокады эти, чудом уцелевшие рукописи были тайно переданы в библиотеку из органов НКВД.

Что же на самом деле представляет собой уцелевшее наследие?

Больше всего осталось стихотворений, и это неудивительно. Григорий Гнесин был таким поэтом, для которого стихи были абсолютно необходимой частью существования: так, в письмах к брату часто бывает приложено по четыре-пять стихотворений. Видимо, все главные жизненные впечатления и настроения передавались и осмысливались им через стихи. Он пишет их в самых разных «точках» своих жизненных странствий.

Поэт (сонет)

Пусть песнь моя полна безумья и тревоги,
В моем безумии есть сила и краса!
Я мрачен, но могуч, как солнечные боги
Великой Греции! Пусть времени коса
Сразила их, сожгла холодные чертоги,
Разбила статуи... Но... Свежая роса
Грядущих дней – приподняла их тоги,
Вдохнула жизнь... И вот, цветущая краса
Богов – явилась вновь, спокойная, живая...

¹⁵ Иванов А. На сцене и в жизни. М., 2006. С. 60–61.

¹⁶ Это, в первую очередь, начальник отдела научно-справочного аппарата архива Н. Н. Власова. Благодаря директору архива О. М. Жариновой нам была предоставлена возможность изучить эти материалы. Зав. сектором редких книг Национальной библиотеки Республики Карелия Н. И. Кипнис и зав. литературной частью Музыкального театра Республики Карелия Ю. Д. Генделева в свою очередь также обратили внимание на свидетельства, касающиеся Г. Ф. Гнесина, находящиеся в библиотеке и в театре.

¹⁷ ОР РНБ, фонд 198. См. обзор этого фонда далее в настоящем издании.

Поэт грядущего стал богом новых дней!
И мглу туманных грёз могуче разрывая,
Доносится мне клич: «В борьбу, смелей!
Пусть твой смертен прах, и всё ж, гряди, поэт,
Ты – возрождённый бог! Богам же смерти – нет!»

Встречаются стихотворения различной тематики: традиционная лирика, связанная с любовным томлением, с природой; детские стихи, много колыбельных (одно из увлечений Гнесина – «коллекция» колыбельных); героические и патриотические темы; символистско-сказочные образы... Много стихов посвящено дамам (их имена иногда обозначены, иногда скрыты).

Поэзии Гнесина свойственно то, что отличает его литературное творчество в целом. Прежде всего, это полное «растворение» в стилистике и образах созвучной ему литературы эпохи. Не будучи ни создателем оригинального литературного языка, ни масштабным писателем-мыслителем, он, однако, как талантливый художник тонко чувствовал и вживался в близкий ему стиль. Особенно удивительно это проявляется в его романтично-символистских пьесах (в стихах). Это «Принц одиночества» (1910), «Терезита, царевна северной страны» (1912), «Беглец смерти» (1914). Насколько надо было проникнуться романтическим пафосом, чтоб столь сильно переживать таинственные символы желаний, тоски и рока, столь естественно выразить «накал страстей» возвышенно-романтическими восклицаниями! Приведем пример из «Терезиты»:

Откуда мы пришли? Из жизни, из тревог,
Из мира, где любовь всегда закрыта маской...
И вот коснулся нас какой-то новый бог
И душу осветил пленительной сказкой...
Он звал нас за собой, и мы пошли за ним,
И открывались нам неведомые страны...
Всё прежнее ушло, рассеялось, как дым,
Как в солнечной заре расходятся туманы...
Чужие до сих пор, мы шли одним путём,
В стране загадочной, друг друга нагоняли,
И, наконец, сошлись... И разожглись огнём.
Мы в сказке встретились, и сказкою мы стали...

Неудивительно, что символистские пьесы Гнесина оказались созвучными современникам, и в 1913 году шла речь о постановке «Терезиты» С. Халютиной – известной актрисой МХТ (первым Тильтилем в «Синей птице») в её студии в Москве, но она, по-видимому, не была осуществлена.

Другая часть драматического наследия – это прозаическая драма «Крылья» (1909). И здесь – очевидная близость к современному литературному творчеству, только совсем другого плана. Это люди и события современной жизни, и коллизии пьесы напоминают те, что описаны Мережковским, Горьким и даже Чеховым. Кроме литературной прозы на современные сюжеты, Гнесин писал и эпиграммы «Забавные стишки» (где имеются «портреты» М. Кузмина и Н. Кульбина), и пародии: такова «Хлюнь-Плюнь-Тьфу», где выведены многие известнейшие персонажи – писатели, поэты, философы...

Чрезвычайно продуктивной была деятельность Гнесина как переводчика (с трёх языков – итальянского, немецкого и французского). Помимо текстов песен и либретто, он перевёл целый ряд драматических произведений. Среди них – драма «Левиафан» итальянского писателя и известного политического деятеля Дж. Бовио, но главное место занимают классические

произведения прошлых эпох. Многие переводы вызваны к жизни, вероятно, предполагаемыми постановками в театре. Самый главный из авторов здесь – легендарный мейстерзингер XVI века Ганс Сакс. Один из жанров его творчества – «Fastnachtsspiel», «масленичная шутка» (Гнесиным было переведено шесть таких «шуток»). Очевидно, они неплохо подходили к условиям маленьких самодеятельных театров. Так, известно, что Гнесин ставил две пьесы (и сам играл в них!) в Петрозаводске: это «Доктор с длинным носом» и, вероятно, «Апостол Пётр развлекается с друзьями на земле и теряет ключи от рая» (ввиду неприемлемого названия переименованная в «Странствующий школьник в раю»). Работа над такими переводами требовала огромных усилий и, конечно, знаний: ведь язык Сакса – совсем не современный немецкий язык, к тому же с баварским диалектом и многочисленными остротами, перевести которые также нелегко. Сохранились также переводы пьес выдающегося немецкого поэта XVII века А. Грифиуса «Absurda comica, или Петер Сквенц» (на русском языке издавались лишь его поэтические произведения) и знаменитого французского драматурга П. Мариво «Арлекин, преображенный любовью».

Особую роль как в жизни, так и в творчестве Григория Гнесина играла просветительская деятельность. С этим связаны его литературные произведения 1930-х годов, посвящённые великим музыкантам. Так, им написаны повесть «Жизнь и смерть Никколо Паганини, чародея звуков» и роман-биография «Джузеппе Верди (Последний из могикан)». «Роман» предназначался, очевидно, для большой инсценированной радиопостановки (видимо, серии радиопередач) и включал подборку многих музыкальных фрагментов. Помимо изложенных известных фактов биографии, здесь любопытно постоянное сопоставление Верди и Вагнера, для чего придумана вымышленная встреча и беседа двух гигантов оперного искусства. Ещё один своего рода литературно-музыкальный «монтаж» – это представление в двух актах «Фигаро», где соединены фрагменты двух «Севильских цирюльников» – Паизиелло и Россини – и «Свадьбы Фигаро» Моцарта. Сценарий, созданный Гнесиным, включает тексты «от автора» и собственные переводы либретто из всех трёх опер (включены также фрагменты из Бомарше в ранее изданном переводе). Подобный жанр претворён Г. Ф. Гнесиным очень ярко и талантливо.

Что касается детской темы, то Гнесин занимался ею постоянно – и в дореволюционные годы в Куоккале (один из ранних примеров – стихи, посвящённые детям Чуковского Лиде и Коле), и в период работы на радио. Было написано немало и стихов, и музыки. К сожалению, помимо изданного сборника детских песен, записей музыки сохранилось мало – он не умел по-настоящему записывать нотный текст и этого навыка так и не приобрёл. Сохранился текст «музыкальной картинки» «Бал игрушек» (1921), впоследствии переработанный для новогодней радиопостановки. По свидетельству Е. Г. Гнесиной, прототипами персонажей являлись её собственные реальные игрушки (дочь была одной из главных вдохновительниц его творчества для детей – для неё написаны «Женичкины песни» и многие стихи), но на радиопостановку под названием «Сон под Новый год» запретили по идеологическим причинам: как это – вместо красноармейцев какие-то снегурочки и деды морозы!

Как хотелось бы, чтобы хоть часть литературного наследия такого удивительного таланта стала известна читателям! Думаю, что воскрешение этого забытого имени сулит ещё много открытий.

Закончим этот беглый очерк о Григории Гнесине снова словами его дочери: *«Обычно в его комнате гасился свет, он садился за рояль: любимая его поза – руки на рояль, голова откинута, глаза закрыты. Рояль стоял около самой двери в столовую, где все сидели за столом. Пел он не для нас. Он пел для кого-то из той давней жизни, которая у него самого осталась как самое светлое воспоминание, он пел кому-то там в далёкой Италии. И ему не хотелось даже нас видеть, чтобы не переключаться к действительности».*

Воспоминания бродячего певца

Очерки Италии

Итальянским друзьям, друзьям Италии

Встреча в Венеции

Итак, моя мечта исполнилась. Представилась возможность освободиться на несколько недель от работы и, несмотря на скудность средств, я выехал в начале марта в Италию.

Покидая светлую Женеву, я встретил в поезде старую знакомую, как и я стремившуюся к желанному заманчивому югу, и почти что тем же путём.

В Венецию мы приехали днём, остановились в недорогом отеле, и сразу принялись за осмотр церквей и музеев.

Не всё нас одинаково интересовало, и иногда мы расходились по разным местам, встречаясь где-нибудь в условленном пункте.

Было часов 7 вечера – время чудесного заката, когда, подойдя к молу, я увидел мою спутницу, живо беседующую по-французски с красивым старым гондольером.

– Ну, наконец-то вы появились! – воскликнула она. – А я с ним здесь торгуюсь. Ужасно запрашивает. Вы как? Хотите проехаться в море? Как видите, я даже гитару достала.

Действительно, в её руках находился большой бумажный свёрток, очевидно, только что взятый из магазина.

Попробовал и я поторговаться с гондольером, и через несколько минут мы тихо и стройно покатали в неведомую ласковую даль.

Угасающее солнце бросало нежные золотые блики на удаляющийся город, и тишина, прерываемая редкими всплесками весла, углубляла настроение и грёзы.

Мы долго молчали, провожая тёплый чудесный день. Понемногу опустилась дымка прохладных сумерек, и над нами – в небе, и позади нас, – в чёрных полосах далёкого города зажглись огненные звёзды.

Моя спутница взяла на гитаре несколько звучных мягких аккордов и сразу всей душой меня потянуло к пению. Я запел. Сначала тихо, несмело; потом, когда одобрение гондольера и спутницы затронуло пробуждённую струну, – я дал волю голосу и чувству – и мощно разлились над итальянским заливом русские сильные песни.

Широта, грусть и безумная тоска сменялись раздольем и силой... Иногда моя спутница подпевала мне звучным широким сопрано, и было в этом что-то большое, светлое, словно канун великого праздника.

Да и вправду, это было началом лучшего праздника жизни – торжества весеннего Солнца.

Уже давно я заметил, что близко к нам, не отставая, почти параллельно, плывёт красивая крытая гондола. Я не знал, кто в ней, но что-то внутри подсказывало особенно яркие песни, особенно нежные тембры, – словно мне пелось не для себя, а для кого-то нового и близкого, уже замороженного, уже связанного со мной волшебными нитями.

Кончилась песня, и долгая пауза превратилась в чёткое молчание.

– Ещё, ещё! – вдруг воскликнула спутница, – я так давно не слышала вас, а вы сегодня в голосе!

– Нет, – ответил я тихо, – меня интересуется та гондола. Вы заметили? Она всё время шла рядом, а теперь без стеснения идёт на нас.

Гондола приближалась. В широком оконце показалась женская головка. Присутствие в нашей лодке женщины придавало ей, очевидно, смелости, и она тихим, но звучным голосом спросила:

– Простите, господа, ведь вы наши гости?

Высоко приподняв шляпу, я ответил ей по-французски:

– Да, синьорина, и не настолько невежливые, чтобы говорить на вашем прелестном языке, которому ещё недостаточно научились!

В это время гондола почти поравнялась с нами, и я заметил на её носу золочёную корону. В оконце появилось ещё одно женское лицо, и мы разговорились.

Полилась перекрёстная беседа. Обе женщины были изящны и красивы. Но в то время, как первая была молода и свободна, – вторая, очевидно, старшая и много пережившая, была гораздо сдержаннее и даже строже...

– Как странно! – воскликнула младшая из них. – За исключением князя В., вы первые русские, которых я встречаю. Как жаль, что мы совсем не знаем вашей страны. Мне почему-то кажется, что мы гораздо ближе друг к другу, чем ко всей Европе!

– О, без сомнения, – подтвердила старшая, – и это большая ошибка, что мы соединяемся с умирающими нациями, вместо того, чтобы идти к славянству, которому предстоит будущее.

Я был далеко не в курсе политической жизни Италии, я ещё не знал ни её отношения к соседям, ни отношений тех к ней, но понимал, что в великом прошлом Италии скрывались не только сила её, но и её бессилие... Всё – в прошлом! – а теперь молодая неокрепшая страна нуждалась в помощи и, конечно, в помощи тех, кто сильнее.

Оживлённо беседуя, перескакивая с одной темы на другую, мы выехали в открытое море. Вдали заблистали яркие огни парохода, откуда доносилась музыка струнной серенады.

– Вы не слышали ещё серенады? Вы только сегодня приехали? О, так вы должны обязательно послушать!

Молодая женщина махнула рукой гондольеру; плывя прямо на звуки, мы остановились невдалеке, с наслаждением слушая чарующие нежные песни Венеции.

Какие переливы, какая простота и наивность в музыке! Какая страстность и любовь!

Песня за песней разносились кругом, а мы молчали, словно какая-то колдовская сила спустилась к нам из неведомых стран, и мы застыли, очарованные, объединённые одной мечтой.

Но вот музыка смолкла, гондола музыкантов отъехала, и яркие пароходные огни погасли.

Мы повернули в сторону, и снова полилась беседа. Мы всё ещё не представились друг другу, и я не знал, с кем меня столкнула судьба; но в тоне молодой женщины, в её манере говорить чувствовался прирождённый аристократизм, а обстановка её гондолы и преувеличенное уважение гондольеров указывали на богатство и на высокое положение.

Заговорили, наконец, о пении. В те дни это ещё не было моей специальностью, а только радостной мечтой. Голос был молодой и свежий, но без всякой школы, без шлифовки. Но, конечно, если моё пение производило впечатление, то доброй половиной успеха я был обязан глубокому содержанию и лирической красоте русской песни.

Вдруг во время беседы, совершенно неожиданно, наша новая знакомая предложила нам обоим перейти в её гондолу.

– Мы, по крайней мере, познакомимся друг с другом, – улыбаясь, сказала красивая девушка, у которой я заметил тонкие руки и пышные золотистые волосы... – Пожалуйста, прошу вас!

Мы с удовольствием перелезли через борт; и, прикрепив нос нашей лодки к корме крытой гондолы, оба старика, мерно разводя шестами, повезли нас вперёд.

Чем больше я всматривался в обеих подруг, тем яснее становилось, что судьба столкнула меня с чем-то далёким, старинным, от чего веет ароматом венецианской эпохи Возрождения.

Пока мы с золотистой девушкой заполняли беседу вопросами искусства, жизни и любви, её подруга о чём-то допрашивала мою спутницу.

Иногда доносился сквозь их шёпот полусдержанный смех. Вдруг все почему-то замолчали.

Сильнее заколыхался голубой фонарик на носу гондолы; звёзды городских огней увеличились и превратились в красно-жёлтые пятна. Мы подъезжали к городу...

Приблизившись к молу, мы вернулись на свои места, и, поблагодарив друг друга за прекрасный вечер, дружески простились.

– Надеюсь, что ещё встретимся! – донеслось до меня, когда наша гондола, уже отделившись, подплывала к берегу. Я не успел ответить и только приветственно взмахнул шляпой...

Оставшись одни, мы сначала поделились впечатлениями, а потом с любопытством спросили у гондольера, кто была эта прелестная синьора.

– Как кто? Да разве вы не знаете? Ведь это маркиза Веронская, Аделаида Дель Кампофиоре и её подруга Винченца Боргезе!

И немедленно переходя от восторженного тона к просительному, прибавил, причаливая к молу:

– За счастливое знакомство с вашей милости на чаёк!

Я с удовольствием доплатил ему ещё несколько монет, и мы отправились в отель.

Перебирая в памяти все наши разговоры и вопросы, я вдруг внезапно вспомнил, что маркиза усиленно расспрашивала, – где я буду завтра днём; и когда я ответил, что из отдельных мест я знаю только то, что между часом и двумя буду во Дворце Дожей, – она сказала:

– Ну, вот отлично! Дожи – это самая красивая, самая блестящая страница Венеции!

И вот теперь у меня появилось настойчивое предчувствие, что я встречу её там. С этой мыслью я уснул, и с этой же мыслью проснулся.

Постучавшись к соседке, я узнал, что она отправляется в Верону, откуда вернётся только завтра, а может быть и позже. Я простился с ней и спешно отправился в Академию.

Но, как ни интересна эта редкая по величине и ценности галерея, я ни на чём не мог сосредоточиться; внутренний огонь разжигал и любопытство, и сладкое чувство влюблённости... Я торопился, волновался, и, к часу дня, едва перекусив в кафе на площади Св. Марка, пришёл во Дворец Дожей.

Должен сознаться, что к истинному пониманию искусства у меня не было солидной подготовки и всё, что ни видел я, проходило через призму чувства и, только преломляясь в нём, доходило до моего сознания. Но к красоте я был подготовлен всей мечтой об Италии, и её я воспринимал во всём, где бы она ни проявлялась...

Долго я любовался чудесным видом на залив с высокого балкона; потом, рассматривая живопись и фрески, остановился взором на странной пустоте в левом углу залы Верховного Совета, где в длинной цепи портретов дожей недоставало одного звена; там вместо портрета дожа Марина Фальери стояла краткая надпись:

«Здесь место Марина Фальери, обезглавленного за преступность».

И вспомнились мне «Серапионовы братья» Гофмана, где лучше всякой летописи рассказана история Фальери и венецианской красавицы, его жены...

Где же моя венецианка? Где та, которую моя мечта уже готова возвести на престол дожей и созерцать её красу и величие в пышных царственных одеждах?..

Мне недолго пришлось ждать; среди многочисленной публики показалась стройная фигура в чёрном платье и белой, словно лебяжьей, накидке. Я быстро встал и пошёл ей навстречу.

– Видите, как я догадлива? – протягивая мне руку с чарующей улыбкой, воскликнула маркиза. – Я чувствовала, что вы должны быть в этой зале, и пробежала другие, даже не оглядываясь. А вы, конечно, задумались о Фальери? Как все иностранцы!

Она засмеялась; и справедливо. Конечно, нет сомнения, что большинство иностранцев знают итальянскую историю из беллетристики; я сам встречал немало людей, которые подробно могли рассказать историю Ченчи, Фальери, Фоскари, но затруднялись ответить, в каком веке это происходило.

– Да, как все иностранцы! – улыбнулся и я, – но знаете ли вы, синьорина, что легенда, хотя не так верна, как история, но зато гораздо ярче, порой даже справедливее, и во всяком

случае, в ней рельефнее и отдельные образы и общая картина. Вот почему нам дороги отдельные странички истории всех народов, которые, быть может, были бы оставлены без внимания в другой оболочке. Мы все любим сказки, и хорошо воспринимаем их с детства. Так что иностранцы, синьорина, мало зная истинную историю вашей страны, полюбили её, как сказку, – и представьте, что до сих пор не разочаровались в ней; и сквозь всю подчас жестокую действительность умудряются дышать ароматом этой сказки, не только прощая, но и не замечая действительности!

Вдруг глаза собеседницы ярко зажглись, лёгкий румянец выступил на её щеках; она хотела видимо задать щекотливый, острый вопрос:.. не принимаю ли я и её за сказку? Глаза её улыбались. И я уже прочёл этот вопрос во всём её существе, но она сдержалась и не спросила.

Через Лоджжиа мы проникли маленькой дверцей к прославленному легендой Мосту Вздохов. Но ни печальные воспоминания этого моста, ни ещё более тяжёлые мысли при виде старинной тюрьмы, куда нас проводили, всё это не нарушало иллюзии сказки.

– Ну, куда теперь? – спросила стройная маркиза, когда мы вышли из дворца. Было три часа дня, и мне престоко хотелось есть. Но я никак не мог сообразить, вежливо или невежливо пригласить её к обеду, тем более зная, хотя не от неё самой, её положение в обществе.

Наконец я решился и, оправдываясь незнанием здешних обычаев, спросил её, – имеет ли она что-либо против совместного обеда. Она мило, по-детски, улыбнулась и ответила до чрезвычайности просто, что к обеду её будут ждать дома, и что ей неудобно показаться где-нибудь в ресторане, но если мы увидимся вечером, то где-нибудь поужинаем вместе.

Медленно шагая по узким улицам с мостика на мостик, – мы пошли, совершенно не заботясь о направлении. Теперь я разглядел её, и чувствовал её очарование ещё сильнее. И не в красоте её оно таилось, а в какой-то надземной тишине, казалось, исходившей от каждого её движения. Золотые волосы, глубокие синие глаза, – в которых отражалось море, тонкие черты лица – всё это было совершенно новым, впервые встреченным – и давним, сказочно-знакомым...

– Мне не хотелось называть себя раньше, чем я достаточно узнаю, с кем меня столкнула судьба. Но теперь я уже чувствую, что никогда не пожалею о своем порыве. Мне хотелось бы ещё раз послушать ваше пение! Как странно, что в русском человеке так много итальянской экспрессии и даже манеры... Скажите, разве вы ничего не поёте по-итальянски?

– Пою, хотя немного, – ответил я. – Скажите, синьорина, могу ли я знать, где вы живёте?

– А знаете ли вы, где мы находимся сейчас? – спросила маркиза.

Я оглянулся и убедился, что никакого представления не имею о данной местности.

– Мы в двух шагах от меня. Сейчас мы выйдем на мост, и вам всё станет ясно!

Мы вышли по узкой улочке к каналу, где я успел прочесть название «Рио ди Сан-Тро-вазо», а через минуту мы уже стояли на мостике.

– Теперь смотрите – направо, в конце канала, перед вами Палаццо Скринья; его легко запомнить, напротив него двухэтажный коричневый дом. Среднее окно – моё... И всё!.. Итак, когда же я услышу вас?

– Сегодня вечером.

– Но где же?

Я поцеловал маленькую тонкую руку, и тихо ответил:

– У вашего окна!

Мы простились. Белая накидка ещё раз два мелькнула вдалеке и скрылась. Я стоял на мостике и рассматривал каменные берега канала. Красиво розовело справа старинное здание с готическими окнами, полуразрушенной круглой башенкой и массой зелени, обвивающей наружную сломанную стену. А влево, утопая в солнце, чистенький коричневый домик улыбался мне приветливыми окнами и ласковой листвою маленького сада.

Вечером, когда солнце опустилось и тьма легла на мутные каналы, я отыскал знакомого гондольера и, захватив с собой гитару, отправился на прогулку. Оставив берег, мы тихо продвигались среди спящих парходиков и гондол. И старый лодочник обучал меня местным обычаям:

– У нас, – говорил он, – всё просто! Если не понравится ваше пение, то вы хоть до утра стойте в лодке, никого не увидите и ничего не услышите. А если понравится, если вас, что называется, принимают к сердцу, то подойдут к окну и бросят вам цветы. И это значит, что вы, во всяком случае, доставили удовольствие той, кому пели. Ну и конечно, остальное уже не касается ни обычаев, ни традиций, а только личного взгляда на дело!

Что же будет со мной? Как примут моё пение? Молчание или цветы украсят мой последний вечер в Венеции?.. Мы приближались. Повернули вправо, проехали под одним мостом, под другим и, наконец, под третьим; передо мной открылись знакомые места, и сразу тысячи волнений затрепетали внутри меня, и жуткая боязнь ущемила сердце. Передо мной открывался тёмный канал с освещёнными окнами и широкими дверями над самой водой... Где же её окно? Куда направить свой голос и свою влюблённую надежду? Кажется, сюда...

Я остановил гондолу. Мой лодочник зажёл три красных фонарика, один на носу, другой на корме, а третий поставил в моих ногах у скамейки.

И я запел. Робость, застенчивость и жуткая боязнь исчезли, сменяясь настоящим вдохновением, безыскусственным порывом; – на этот раз прозвучало широкое итальянское пение. Нежная серенада Альмавивы понесла мои влюблённые призывы к освещённым амбраурам. Я пел с закрытыми глазами, боясь увидеть пустоту в сияющих огнями окнах. Но вот последние аккорды гитары слились с высокими нотами песни, и, прежде чем я открыл глаза, к ногам моим упали цветы.

Не в одном, а в нескольких окнах показались тонкие, словно воздушные фигуры, но одну из них я сразу узнал, и приказал гондольеру подплыть ещё ближе. Ещё и ещё прозвучали песни, и с особенной радостью я спел ей – этой тени средневековой Италии – мадригал «Амарилли», в котором сочетаются простота старины с изумительной нежностью и искренностью...

Снова упали цветы, и с нескольких сторон раздалось одобрительное «браво». Аплодировали в окнах и с проезжающих мимо гондол. Подхватив букет, и прикоснувшись к нему губами, я сейчас же увидел прикреплённую карточку, на которой стояло только пять слов: «В 9 на мосту Риальто».

Я приподнял шляпу, приветствовал всех, кто был так мил ко мне, и проплыв вперёд к Большому каналу, через двадцать минут уже был у моста Риальто, где простился с моим стариком.

Я несколько раз прошёлся взад и вперёд по мосту, не вызывая особенного внимания, так как одет был, как южные итальянцы – в широкополой шляпе, в тёмной пелерине, с гитарой и букетом цветов в руках. Потом я спустился к пристани, и облокотился на деревянные перила. Когда справа показалась приближающаяся голубая точка, я инстинктивно узнал её и, как только лодка подъехала к берегу, я быстро пошёл навстречу. Через мгновение мы тронулись в путь.

Старинный, незабываемый вечер. На бархатной скамье, под уютным балдахином гондолы мы, две чёрные тени, скользили сначала среди шумного светлого канала, потом среди спокойного тихого залива.

Кто мы? Случайные встречные, сумевшие из красивой мечты создать красивую реальность.

Плавно скользила лодка, и мягко скользили наши руки, едва касаясь друг друга, но, прикосновением кончиков горящих пальцев, угадывая, ощущая тысячи новых миров, новых чувств – и сладостных, и вечных.

На острове Лидо, куда причалил седой гондольер в бархатной ливрее, мы долго гуляли среди густой зелени пальм, кипарисов и лимонов. Мы уже мало говорили. Мы отдавались совершенно новой для нас жизни воплощённой мечты, и нам обоим казалось, что мы переживаем лучшие часы земного счастья...

Поздно вечером на фантастически освещённой террасе Гранд-Отеля, я положил ей на колени сорванную ветку кипариса, и она воткнула мне в петлицу веточку ландыша. Перед нами раскрывалось слегка волнующееся море, голубая Венеция и огни бесчисленных гондол.

Мы спустились в парк. Медленно, под руку, чувствуя теплоту и близость друг друга, мы бродили из стороны в сторону...

– Вы не забудете меня? – прошептала стройная девушка с золотыми волосами и глазами морской синевы.

– Разве можно забыть счастье? – тихо ответил я, нежно, нежно целуя её руки. В то же мгновение она потянулась ко мне вся и, запечатлев долгий сладкий поцелуй на моих глазах, крепко пожала мне руку.

– Пойдёмте! – сказала маркиза как-то грустно и печально. – Уже пора!

Мы сели в гондолу. Сначала долго молчали, переживая в себе печаль предстоящей разлуки. Но когда город уже показался перед нами, когда момент разлуки приближался с каждым мгновением, – я снова запел свои лучшие песни; снова заиграла на устах улыбка, глаза наполнились светом; и затрепетали души радостью и жизнью.

Мы не забудем друг друга, значит, мы не разлучаемся, значит, незачем печалиться... Через несколько минут у моста Риальто мы простились навсегда.

С гитарой до Болоньи

Когда я вспоминаю о моём первом путешествии в Италию, самым странным мне кажется та простая случайность, которая толкнула меня вперёд, и затем – непрерывно ряд за рядом, – открывала передо мной всё новые и новые картины, всё ярче, всё пышнее и красочней.

Гитара, купленная моей случайной спутницей, осталась мне в наследство и лежала на столе в то время, как я делал последние вычисления о возможности или невозможности дальнейшего путешествия.

Эта плохонькая дешёвая гитара, вместе с пустым кошельком и круговым билетом до Неаполя и обратно в Милан, подсказала мне дальнейшую работу.

Следующим утром я сел на самый ранний поезд на Верону, с тем, чтобы, переходя из купе в купе, петь всё, что только придёт в голову: русские, французские, итальянские песни, свои собственные мелодии, словом – всё, что только знаю, – зарабатывая, таким образом, в поезде и по пути осматривая города. Самое дорогое – билет у меня уже имелся, а на обед и ночёвку не так уж много требовалось. Я и раньше присматривался к этим вагонным певцам и заметил, что им не только давали деньги, но почти всегда угощали вином и яйцами, чем придётся...

Так я и поступил – это оказалось совсем не страшно и даже вполне удобно. На вокзале в Венеции я спокойно вошёл в вагон третьего класса – общий, похожий на наши дачные вагоны. Едва поезд отошёл и серые домики Венеции скрылись за водяными далями, я стал настраивать гитару. Со мной заговорили. Слегка конфузясь и своего положения и скверного языка, я разговорился. Меня окружили, забросали вопросами. Узнав, что я иностранец, да ещё русский, – они стали особенно милы и любезны, а когда я запел, то весь вагон перекочевал в наше отделение, слушая внимательно и чутко, не стесняясь выразить своё одобрение среди пения.

Мой репертуар был небогат. Я едва успел пропеть только что вошедшее у нас в моду – «Солнце всходит и заходит», «На старом кургане», «Выхожу один я на дорогу», – как, несмотря на непонятность языка, окружающие восторженно зааплодировали; и когда я решил снять шляпу и протянуть её, то не нашлось ни одного, кто бы не положил в неё монету. Теперь мы уже разговорились, как старые знакомые; кто-то угостил меня терпким, но холодным красным вином; бутылка пошла в круговую; так незаметно пролетели полчаса, и поезд остановился в Падуе.

Я вышел на платформу, сопровождаемый напутствиями и пожеланиями:

– Так ты иди прямо к Гаспаротто! – кричал мне толстый, давно не бритый крестьянин, дымя своей трубкой. – И скажи, что это я – соломенщик Антонио из Флоренции тебя послал. А когда к нам попадёшь – обязательно приходи!

Я долго ещё раскланивался с ними, благодарил, – и только когда поезд уже скрылся за жёлтыми зданиями, – пошёл в город.

Через полчаса я уже сидел на улице Канционе у любезного трактирщика Гаспаротто, и мы вместе обдумывали, куда бы мне отправиться, чтобы заработать и больше и скорее.

– Хе! Да как же это я сразу не подумал! – воскликнул вдруг маленький вертлявый хозяин с седыми бровями и длинным шрамом через всю правую щёку – печальный след весёлой юности в Калабрии.

– Садись в трамвай и езжай на Прато делле Валле. Там поднимись в овальный садик, – и пой! там всегда, даже утром, бывает народ, а особенно сегодня, когда так много солнца! Иди, иди, брат! А на обратном пути забеги ко мне!

Подсчитав свой вагонный заработок, я с удовольствием отметил, что полчаса мне дали около двух франков.

Это бодряще подействовало на моё настроение и, обменяв у любезного хозяина медь на серебро, я отправился на площадь... Погода была чудесная. Узенькие улочки старинного города уютно разбегались, грея на солнце свои маленькие светлые домики.

Не оглядываясь, не ища публики, я сел в центре прелестного садика, окружённого каналом, – и запел по-французски сначала «Вертера», потом популярные и лёгкие мелодии Массне и Гуно.

Опустив голову, с закрытыми глазами, невольно вслушиваясь в собственный голос, так непривычно звучащий на открытом воздухе, – я чувствовал на руках ласкающее солнце, и мне пелось как-то особенно легко и приятно. Когда я поднял глаза, вокруг меня уже столпились дети и взрослые, бедные и богатые; – тогда, мгновенно просветлев, – я спел им по-французски любимейшую итальянскую песню «O sole mio», – тогда ещё не запетую так, как теперь... Это растрогало их. В чёрную шляпу, скатившуюся на песок к моим ногам, полетели монеты – и не только медь, но и серебро.

Одна дама, проходившая с девочкой через сад, заслушалась, замечталась, и вдруг подойдя ко мне, не бросила, а положила возле меня на скамье – целый франк; это, конечно, не побудило других сделать то же самое, но вызвало и по моему адресу, и по адресу этой дамы возгласы одобрения.

Спев ещё какой-то маленький романс, уже не помню что, я раскланялся, поблагодарил и, положив возле себя шляпу и гитару, – закурил папироску. Окружающие поняли, что сеанс окончен, и стали расходиться.

Через час я уже гулял по городу, осматривая его галереи и церкви... На душе было радостно и светло.

Зайдя к Гаспаротто, я поблагодарил его за удачный совет и, крепко пожав морщинистую руку, – отправился на вокзал.

В час дня я сел в переполненный поезд, но на этот раз не пел. Что-то подсказало мне не то провал, но то просто неудачу, – и я, веря своему предчувствию, – спокойно прислонился к двери и так доехал до Виченцы...

Вот на редкость чудесный городок! Находясь у подножия зелёной горной цепи, омываемая двумя, почти соприкасающимися в центре города реками, – Виченца вся полна какой-то улыбки и весеннего говора!

Приехав в обеденный час, я прошёл по главным улицам мимо ряда красивых палаццо к площади «Синьоров»; здесь почтенный хозяин кафе «Гарибальди», – одинаково любезный и разговорчивый, – дал мне место в центре кафе, обещая уплатить за два часа пять франков, кроме того, конечно, что дадут мне сами гости.

Навсегда я останусь благодарен Виченце за её приём. Милые, изящные итальянцы и итальянки приходили, пили кофе, шоколад, холодные напитки, и, стуча в ритм ложечками, тросточками и ногами, когда я пел знакомые вещи, внимательно слушая новое для них, – они все бросали деньги в мою шляпу, когда во время десятиминутных пауз я проходил между рядами столиков.

Какой-то седой красивый старик, положив мне франк, спросил меня громко, – откуда я родом.

Так же громко, не смущаясь, я ответил, что я русский студент и теперь зарабатываю деньги, чтобы иметь возможность повидать всю Италию. Это признание вызвало общий восторг. Когда я, стоя возле старика, по желанию публики – спел русские песни, – мне ответили аплодисментами и хорошим гонораром, который почему-то решил собрать сам хозяин, – и преподнёс мне в конце моего пения.

Я искренно был растроган, и, не умея сказать этого по-итальянски, – бормотал что-то на смешанном языке; я опомнился только через четверть часа, когда хозяин пригласил меня пообедать с ним.

Мы пили вино, болтали о России и много смеялись над забавными анекдотами, которыми делился с нами один из посетителей... Я не всё понимал, но на душе было радостно; и я весело смеялся, чувствуя, как вино кружит мне голову, как мысли, нестройно разбегаясь, заволакивались в какие-то розовые ткани...

В восемь часов вечера приехав в Верону, я остановился на берегу реки Адиге, в Альберго «С.-Лоренцо», из окна которого я мог любоваться красивым видом на реку и раскинутый за нею город, блистающий вечерними огнями...

Утром по совету хозяина я пошёл распевать по улицам. Сначала мне это показалось странным и неудобным, но так как меня никто не прогонял, а в одном из переулков я увидел кларнетиста, который разделявал со всевозможными руладами арии Вердиевских опер, – то и я уже не смущался...

Я остановился около самой арены древнего цирка, куда шло немало народу, но здесь я «напел» немного; отсюда я двинулся к блестящей мрамором площади Эрбе. Но и здесь работало скверно. Тогда я рассердился и пошёл к вокзалу.

В час дня я выехал по направлению к Мантуе... Публики в вагоне было немного, но народ всё славный...

Когда я запел по-русски, – все насторожились, потом подсели ближе, – и началась знакомая картина... Песня за песней вызывали всё большие восторги у экспансивных слушателей. Посыпались ко мне и деньги и угощения... Тогда я решил переходить из вагона в вагон, причём часть слушателей, по своему желанию, следовала за мной, таким образом, бескорыстно рекламируя меня.

Шли долгие часы. Уже проехали и Мантую и Гонзаго, а я, наловчившись перелезть на ходу из купе в купе по маленьким наружным ступенькам, перешёл во вторые классы, и здесь распевал французские романсы и шансонетки... Когда мы проехали Модену, я добрался до последнего вагона, и остановился в нём. Три с половиной часа почти непрерывного пения и выпивки утомили горло. Я чувствовал необыкновенную усталость, – но зато около двадцати франков прибавилось к моему бюджету. А впереди ещё предстоял целый вечер работы для того, чтобы весь следующий день провести в спокойной прогулке по Болонье.

Приехав туда в послеобеденный час, я отправился в излюбленный туземцами и иностранцами «Сад Маргариты». В Chalet играла музыка, я подошёл туда и предложил свои услуги.

Время шло быстро. Сменяя музыкантов, а подчас и вместе с ними, я пел всё, что только знал, и тут же выучил несколько новых пьес.

Передо мной сливались в одно – и небо, и город, и многотысячная толпа – пёстрая и живая, змеившаяся среди зелёного сада...

Блеск электрических люстр, звоны бокалов и посуды на мраморных столиках, светлые костюмы заволакивали розоватым облаком и мысль мою, и мечты мои. Новое поприще, новые впечатления раскрывали передо мной неведомый мир – свободной праздничной жизни...

После полуночи, получив изрядную сумму от гостей и, конечно, главным образом, от хозяина, я простился со всеми ими, и нашёл себе комнату в небольшой гостинице «Фоссати».

Здесь я сытно поужинал в полной тишине и одиночестве.

За окном в саду гостиницы какие-то запоздалые гости звенели стаканами... Не закрывая окна, под говор и шум гостей, я быстро уснул; и помню, что снились мне какие-то гигантские лестницы, освещённые тысячами люстр, и вели они куда-то далеко-далеко в небо, откуда доносился ко мне чей-то властный и ласково-призывный голос...

Встреча в Болонье

Тёплый весенний день. Шумная Болонья, утопая в длинных старинных аркадах, словно опоясанная каменными галереями, предавалась отдыху.

Было два часа дня, когда одинаково пустеют магазины, улицы и церкви, когда почти вся Италия прячется за зелёными жалюзи старых и новых домов, отдыхая в прохладе серых комнат с неуютно громоздкой обстановкой и холодными каменными полами.

Выйдя на площадь Галилея, я увидел перед собой две высокие гранёные колонны, на которых друг против друга возвышались благословляющий св. Доминик и Мадонна-дель-Розарио. В углу площади находилась странная церковь, походившая на старое palazzo. Ни куполов, ни башенок. Высокие стены с облезшими замазанными фресками не то светло-оранжевого, не то розового цвета. Над приветливым зеленоватым входом с мраморными колоннами высится широкое огромное окно, отражая прекрасную синеву неба.

Желая скрыться от палящего солнца и отдохнуть от долгого скитания, я отодвинул красный занавес и вошёл в храм. В церкви было темно и пусто. Тихо, неслышно подвигался я от одной капеллы к другой. Останавливался у чудесной гробницы св. Доминика, у «Вознесения Святого» – работы сладчайшего Гвидо Рени, – и так же тихо перешёл на другую сторону. Когда я стоял у портрета мозаиста Джакомо-да-Ульма, в минуту светлого порыва благочестия умершего здесь, у подножия алтаря, – в соседней капелле послышался не то вздох, не то лёгкое покашливание.

Я скользнул туда; в часовне Розарио, где погребены Гвидо Рени и влюблённая в него Елизавета Сирани, принявшая яд, чтобы соединиться в смерти со своим учителем, – здесь я увидел высокую женщину в трауре. Она стояла на коленях в тёмном углу, и как будто молилась. Я уже хотел удалиться, чтобы не мешать её экстазу, когда занавеска левой двери поднялась и тяжело опустилась, пропустив маленького юркого, уже не молодого, монаха, который быстрыми шагами направился к часовне.

Едва он показался, как женщина поднялась с колен и быстро пошла к нему навстречу.

– Buon giorno! – тихим, но весёлым голосом воскликнул патер и, поцеловав протянутую руку, задержал её в своей, нежно поглаживая и улыбаясь. Они заговорили быстро и пламенно. Я ничего не мог понять. Он очевидно на чём-то настаивал; она или колебалась или возмущалась. А я любовался ими обоими. Хотя лицо её было скрыто под густой вуалью, но голос, фигура и манеры заставляли предполагать, что молодая женщина прелестна.

Истошив все запасы красноречия, монах нежно обнял её талию и, проходя в двух шагах от меня, отчётливо сказал:

– Я не допущу, чтобы вы покинули Болонью!

Тогда молодая женщина отдёрнула его руку, – и почти громко ответила:

– А я советую вам примириться с этим, и вообще оставить меня в покое!

Час был не молитвенный; кроме меня – случайного прохожего – которого они и не заметили, не было больше никого. А потому они и не стеснялись. Гулко разносясь по храму, их возбуждённые голоса становились всё резче и определённое.

Тогда, желая помочь прелестной итальянке освободиться от назойливого монаха, я громко кашлянул и пошёл в их сторону.

Немедленно произошло нечто вроде примирения; он пожал её руку и быстро скрылся в одной из капелл. А я пошёл вслед за красавицей.

Мы были ещё в темноте храма, но уже около самого выхода, когда я с чисто мальчишеской развязанностью сказал:

– Если бы вы позволили, синьора, побить этого патера, то я сделал бы это с большим удовольствием!

Неправильность моей речи сразу выдала во мне иностранца, и так как мне послышалось, что синьора засмеялась, – я решил набраться смелости и заговорить с ней. Мы вышли на паперть, и я, не надевая на густую шевелюру шляпы, стал почти рядом с незнакомкой и воскликнул:

– Не позволит ли уважаемая синьора проводить её?

Она взглянула на меня сквозь вуаль, сделала испуганное движение рукой, и ответила: – Нет! – но спускалась по ступенькам очень медленно. Тогда я, следуя за ней, прибавил:

– Я русский, здесь впервые. Я побеждён красотой Италии, и хотел бы возможно дольше любоваться красотой Болоньи. Не сердитесь!

Она ещё раз сказала: – Нет! – но уже не так решительно и быстро пошла вперёд, неоднократно оглядываясь – и не боязливо, а с видимым любопытством.

В это время из-за угла вынырнул мальчишка с открытками, альбомами и карандашами. Упрашивая купить у него «Ricordo di Bologna», он неотвязно бежал за мной, и тут мне пришло в голову использовать его ловкость и пронырливость; я пообещал ему франк, если он проследит, где живёт эта красивая дама в чёрном.

– Сейчас! – ответил юркий мальчишка. – Ждите меня в ресторане на углу, сейчас налево.

Но только что я тронулся в путь, как мальчишка вернулся и деловито спросил:

– Если позволите, я куплю хорошие цветы!

Эта любезность и предусмотрительность в нём меня всецело покорили, и я предоставил ему своё будущее.

В маленьком кафе я спросил себе сыру и вина, в то время как пряткий чистильщик сапог в синей куртке – искусно превращал мои грязные дорожные ботинки в приличную для визита обувь.

Прошло не более четверти часа, когда мальчишка вернулся, неся огромный пышный букет, и, запыхавшись, сообщил:

– Улица Орфея, одиннадцать... синьора Анжелика Тассони, вдова секретаря из министерства юстиции... Горничную зовут – Розалия.

Сев на ближайший стул, он снял с головы кепи, и весь отдался отдыху.

Угостив своего юного благодетеля вином, я расплатился с ним, и медленно пошёл по городу.

Было около четырёх часов. Жизнь шумом и гамом наполняла людные улицы; доносились звонки трамваев и щёлканье бичей проезжавших фиакров.

Я быстро доехал до центральной площади Виктора-Эммануила – сердца Болоньи, откуда по широким артериям разливается жизнь по всему старинному, но не стареющему городу.

Здесь я отыскал посыльного, с которым отправил букет по данному мне адресу... Теперь оставалось лишь одно – побриться, привести себя в порядок, пообедать, – и, наконец, решиться посетить синьору.

Я постучался в дверь небольшого особняка с мраморным балконом и высокими тополями, зеленеющими за каменной стеной. Через некоторый промежуток времени я ещё раз постучался привешенным молотом в медную доску, и, наконец, лёгкие, скользкие шаги послышались на лестнице.

Дверь открыла хорошенькая горничная, которую, как мы знаем, звали Розалией. Хитрые, плутовские глаза сейчас же сказали мне, что и она догадывается, кто я... Тем не менее она сообщила, что хозяйка её в трауре, и никого не принимает, хотя тут же спросила, как обо мне доложить...

Я положил ей в руку трёхфранковик, и с полной бессовестностью назвал себя графом De Rostow... Одет я был весьма прилично, по-туристски; был молод и свеж и для недолгого знакомства вполне мог сойти за иностранного графского сына.

Розалия сделала изящный реверанс, и через несколько минут меня впустили... В большой приёмной и раздевальной – стояли трюмо с мраморными столиками, хрустальные вазы для цветов, – и, перейдя оттуда в гостиную, я сразу увидел свой букет на почётном месте в огромной прелестной вазе возле рояля... Обстановка была изящная. Масса света, картин и статуэток... Розалия вертелась передо мной, смахивая то здесь, то там уже давно счищенную пыль, – и извинялась за хозяйку, которая переодевается и сейчас выйдет.

Прошло несколько минут, – в дверях появилась прелестная фигура синьоры Анжелики; показав, наконец, свои большие чёрные глаза и нежную улыбку, – она любезно протянула мне руку, говоря, что считает для себя особенно приятным долгом оказать гостеприимство иностранцу. Я поцеловал протянутую руку, но не осмелился задержать её так долго, как это делал патер.

Когда горничная вышла (вернее выходила, так как, сгорая любопытством, она поминутно с деловитым видом вбегала за чем-нибудь в залу), – синьора Анжелика стала ещё любезней. Обходя молчаньем такой странный способ знакомства, она повела меня на балкон, выходящий к «Саду Маргариты» с его длинным тонким озером и маленьким Chalet, к тому саду, где ещё вчера я выступал, как певец.

Это дало мне возможность, играя каламбуром, с любезной и нежной улыбкой сказать ей, что если это – Сад Маргариты, – то я – влюблённый Фауст нахожусь в её покоях.

Смех, шутки, весёлые улыбки... Всё было мило и хорошо. И вид был прекрасный, и её руки были теплы и изящны, и волосы её тёмные, густые, сбитые в низкую пышную причёску, – были хороши. И даже жаль было, что время летело так быстро...

Но как ни странно, я абсолютно не могу вспомнить, о чём мы говорили и как... Нет сомненья, однако, что темы были далеки от всяких глубоких идей, и разговоры наши были ближе всего к диалогу лёгкой французской комедии.

Одетая в голубое свободное платье – нечто среднее между греческим хитомом и японским кимоно, – Анжелика покачивалась в мягкой качалке, и, вместе с надвигающимся вечером, становилась всё прекрасней и желанней.

Она попросила меня нажать сонетку, и Розалия, с цветком в волосах, в сверкающем белизной переднике, – получила приказ – накрыть на стол и позаботиться об ужине.

Тем временем стало прохладнее и свежее; мы снова вернулись в гостиную, где ещё не был зажжён огонь, и куда доползали полосы света из соседней столовой... Я подошёл к роялю, открыл его, и с особенной радостью запел в этой обстановке полумрака, тишины, красивой женщины рядом со мной, и душистых, тонко пронизывающих воздух, цветов.

Это были песни нежные, тихие, сладкие – песни любви, для которых рояль был старинной лютей-посредником томящихся влюблённых сердец.

Анжелика была в восторге:

– Граф, вы чудесно поёте!

И вдруг мне стало стыдно своего обмана, своей игры; – я откровенно сознался ей:

– Синьора, я обманул вас... Я не граф, я только певец и поэт... Но не звучит ли это так же благородно, как и то!..

– Певец, поэт и... немножко авантюрист... Не правда ли? – улыбнулась Анжелика... В эту минуту она наклонилась ко мне так близко, её волосы и дыхание коснулись меня так горячо, что я не смог и не хотел сдержать своего порыва; я прижал к себе это красивое существо, запечатлев не любовный, а кроткий восхищённый поцелуй на её матовом серебристом лбу.

Было тихо и радостно. Мы оба молчали, мы переживали безмолвно чарование звуков и тишины.

Вдруг внезапным движеньем, Анжелика распустила волосы, и тяжёлые густые пряди окутали мою голову; прижавшись ко мне, она стала называть меня – «cagino» и впервые во мраке вечера ответила мне поцелуем, нежным и ласковым, как поцелуй сестры.

Ни на одну минуту я не оскорбил её нехорошей мыслью; я знал, как знаю и теперь, что в отношении меня она была полна любовью музыки, восхищением и переживанием всей сладости звуков, утончённым чувством, пока доступным лишь немногим.

Но вот в дверях показалась Розалия и звонким голосом, делая вид, что не видит нас, пригласила к столу.

Сказка как будто бы кончилась. Что-то оборвалось и настроение изменилось опять в сторону шутки и смеха.

Пока Анжелика в темноте наскоро причёсывалась, я всё-таки решил расспросить её о патере. Конечно, мне ответили, что он только духовник, и не всегда приятный... Я не особенно поверил объяснению и наивно прошептал:

– Какая удивительная страна! Здесь духовные отцы обнимают сильнее, чем светские возлюбленные!

Она рассмеялась, и, взяв меня под руку, повела в столовую. К моему удовольствию, были зажжены канделябры со свечами, а не электричество. Небольшой овальный стол был прекрасно сервирован. Всё было налицо: холодный ростбиф, спагетти, всевозможные фрукты и кьянти в тонких, узких сосудах, напоминающих вытянутую шею лебеда.

Я чувствовал себя отлично и готов был уверить не только Анжелику, но и самого себя, что никогда не покину Болонью.

Было часов одиннадцать. Мы сидели в будуаре Анжелики и пили кофе с шартрезом. Мягкий диван, повышенное настроение и крепкий ликёр делали нас обоих разговорчивыми, молодыми и жгучими... Надвигалась ночь, – и то, что могла дать ночь, подползало всё ближе и ближе. И мы говорили о театре, о картинах, о книгах, а наши колени сталкивались, прижимались друг к другу, и где-то внутри нас трепетали другие мысли, другие грёзы.

«Я хочу ещё твоих песен...» «Я хочу ещё твоих ласк!..» – словно шептали наши души.

Мы даже не слышали, как на улице в медную доску раздался троекратный стук. Мы ласково глядели друг на друга, когда вдруг в дверях появилась бледная Розалия и шёпотом воскликнула:

– Простите, синьора! Что прикажете делать? Там стучится padre!

– Что такое? Какая наглость! – воскликнула Анжелика, вскочив и гневно ударяя маленьким кулаком по мраморному столику. – Скажите ему, не впуская, что я уехала к сестре в Модену, что вы одна и что это невежливо стучаться в дом одинокой женщины чуть ли не в полночь... и задержите его, пока мы не уедем. Через два дня я буду дома.

В одном мгновенье Анжелика скрылась за ширмой, где Розалия помогла ей надеть простой дорожный костюм, а через пять минут мы уже спускались по чёрной лестнице в сад, в то время, как Розалия ожесточённо спорила с настойчиво стучащимся монахом.

Выйдя через калитку сада в маленький переулок, мы быстрыми шагами направились в город. У церкви Святой Троицы нас нагнал последний вагон трамвая. С улицы Азельо мы взяли проезжавший фиакр и быстро помчались к вокзалу. В вагоне и фиакре мы нервно молчали, всё ещё ожидая погони, которая, конечно, была нам не страшна, но неприятна, – ибо аромат нашей встречи не только не рассеялся, но рос с каждым часом, с каждой минутой.

– Но вы подумайте, Анжелика! – воскликнул я. – А что, если padre поедет туда? Ведь он, наверное, знаком с вашей сестрой.

– Нет, нет, что вы? – испуганно отвечала красавица. – Он никогда не дойдёт до такой наглости. А впрочем...

– Ах, я придумала! – весело воскликнула Анжелика, и поторопила длинноусого кучера: – Скорее, скорее... остановитесь около кафе С.-Пиетро!

Через несколько минут мы вошли в прелестное кафе и направились к телефонной будке.

– Центральная? Дайте, пожалуйста, «Загородный». Вы слушаете? Соедините с Виллой Розетта. Благодарю!

– В чём дело? – спрашивал я у взволнованной Анжелики, пока она ожидала ответа.

– О, я чудесно придумала... Мы поедem к кухне. Ах, подождите! Там говорят. Орация, это ты? Здравствуй, милая. Не удивляйся. Скажи, ты ничего не имеешь против, если я сейчас приду к тебе вместе с одним очень интересным иностранцем. Что? Кто он? Это ты увидишь сама. А Паоло дома? Что? Так, значит, можно? Ну, хорошо. До свиданья, *carina!* И скажи Паоло, что мы сегодня проведём прелестную ночь. До свиданья!

– Ну, а теперь – живо! – воскликнула она; через мгновенье наш фиакр, заворачивая с улицы в улицу, быстро увозил нас по дороге к городским воротам.

– О, мы прекрасно проведём время! – шептала милая красавица, прижимаясь ко мне и позволяя целовать свои непослушные мягкие волосы.

– Они недавно женаты, оба весёлые и красивые... У них чудесный сад с беседками, с фонтанами... О, если б ты никогда не уезжал, – мы часто бы гостили здесь!

Она совершенно неожиданно для себя произнесла это *ты*, и сразу как-то загрустила.

– Не надо, не надо грустить! – отвечал я, тихо лаская её руки. – «Сегодня» – хорошо только тогда, когда оно заставляет совершенно забывать о «завтра». Не надо печали... Я даже сам не верю, что уеду.

Мы выехали из Порта Саррагоцца; перед нами сразу открылась тёмная стена холмов, опоясанных густыми садами, среди которых белели одинокие виллы; далеко-далеко в высоте виднелась церковь Мадонны Св. Луки; ей навстречу тянулась бесконечная крытая галерея, словно огромная пёстрая змея извиваясь посреди зелёных склонов.

Проехали мостик через журчащую речку, завернули влево и через четверть часа остановились около ограды изящной виллы, серебрищейся под лучами молодого месяца.

Мы отпустили фиакр и позвонили у калитки. В окнах замелькали огни, зазвучали голоса; наконец, две весёлые фигуры, видимо в перегонку, добежали к воротам и в один голос закричали:

– Анжелика! Ты гениальна!

Зазвучали поцелуи, и я крепко пожал руки своим новым знакомым. Вскоре мы уже сидели в беседке ароматного сада за столом, и при свете садовых ламп пили горячее красное вино, заедая вкусными померанцами и мандаринами.

Действительно, кухня Анжелики была очаровательна; муж её, очевидно, не чувствовал ещё бремени брака и целовал её так часто и так нежно, будто поэма их любви была раскрыта ещё на первой странице.

В три часа ночи в большой зале виллы я опять сидел за роялем и пел... всё тише, всё тише, пока, наконец, моя песня была слышна только одной Анжелике. Луна, освещая высокую комнату с большими зеркалами, уползала всё дальше и дальше, погружая нас в таинственную сладостную мглу. А мы не замечали её, потому что среди наших ласк нам было тепло, светло и уютно. Когда мы очнулись, мы были одни. Молодые давно уже скрылись в своей опочивальне. Уже занималась заря и становилось совсем светло.

– Анжелика, а где же устроят нас? – спросил я, взглядываясь в её широкие, словно опьянённые глаза.

И, тихо ведя меня за руку по широкому коридору, она ввела меня в небольшую голубую спальню.

Не помня себя от усталости, я кинулся одетым на постель и, закрывая глаза, воскликнул:

– Я отдыхаю!

Потом тихо защёлкнула дверь, Анжелика опустила шторы, – и наступила тьма.

Когда вечером следующего дня я сел в поезд, который вёз меня во Флоренцию, я уже чувствовал, что никогда ничто не заставит меня отречься от любви к этой сладостной стране вечной сказки и вечной красоты Любви.

С гитарой до Рима

Выехав вечерним поездом из Болоньи и присматриваясь к соседской публике, я убедился, что блондинка, разглагольствующая на каком-то смешанном языке о Толстом и Шопенгауэре – была русской. Я сидел в углу и невольно улыбнулся, когда мою соотечественницу окружили пылкие и юркие итальянцы, сбивая её с толку юмористическими замечаниями и разбивая все её философские выводы неожиданными вставками, вроде любезности:

– Синьорина, вы так прелестны, что я готов уверовать во все принципы Толстого, чтобы угодить вам!

– О, синьорина весьма начитанна, – улыбнувшись, сказал молодой, но уже залоснившийся от жиру патер, – когда бы наши девушки знали Толстого и Шопенгауэра, они бы ничего не прибавили к своей красоте, а нам отравили бы жизнь!

Беседа в этом духе продолжалась так долго, что я спокойно уснул под шелестящий говор и убаюкивающее раскачивание поезда.

Проснувшись, я услышал те же голоса, но только теперь с Толстого перескочили на Боккаччо, и щекотливые декамероновские темы вызывали почти недвусмысленные замечания присутствующих, чего, по незнанию языка, не понимала милая блондинка.

Тогда, немножко боясь возможных последствий её легкомыслия, я тихо сказал по-русски:

– Мадемуазель, будьте осторожнее. Вагонные беседы и знакомства не всегда кончаются благополучно. По замечаниям, которые я слышу кругом, – вас оценили далеко не лестно!

К моему удивлению, из угла, где сидела молчаливая дама в серой вуали, раздалось неожиданное подкрепление.

– Я тоже уже давно хочу сказать барышне, что из любви к России не следует делать русскую женщину каким-то посмешищем!

Тон был не из приятных, а молчание, воцарившееся кругом по поводу прозвучавшей непонятной речи, явно направленной против разговорчивой девицы и её собеседников, – это молчание тоже было не из приятных.

– Что говорят они? – спросил, наконец, жгучий сицилианец, недружелюбно посматривая в нашу сторону. Но смущённая девушка только пробормотала что-то неясное, вроде того, что мы не совсем согласны с тем, что она говорит. Беседа длилась ещё минут десять без её участия, а потом все умолкли и разошлись по углам.

Девушка разговорилась со мной и просила не покидать её сейчас во Флоренции, так как она не знает точно, где живут её знакомые, а звать ночью фиакр она боится. К нашей беседе присоединилась и дама в серой вуали, вставлявшая редкие, но удивительно топорные замечания. Разговорившись втроём, мы решили, ввиду общности направления и позднего приезда, устроиться где-нибудь вместе.

Около полуночи мы были во Флоренции. К моему удовольствию, вся наша случайная группа путешествовала по-заграничному – почти без вещей. У меня были горный мешок и гитара, у барышни жёлтая коробка, у дамы саквояж. Мы представились друг другу, и вышли из вокзала на улицу. Было темно и сыро; не было видно ни фиакра, ни носильщика. Мы уже хотели вернуться в здание вокзала, когда из-за тусклого фонаря вышел какой-то человек в соломенной шляпе и спросил – не угодно ли нам комнаты на ночь. Я ответил, что именно это нам и нужно. Он взял из рук г-жи Г. её саквояж, я взял коробку m-elle Люси, и мы побрели по пустынным улицам, вслед за нашим проводником.

Я не знал хорошо ни плана города, ни его обычаев, но с самого начала мне не понравились ни дорога, ведущая возле самых железнодорожных рельсов по каким-то тёмным закоулкам, ни ухватки нашего гида, беспокойно озирающегося на каждом перекрёстке.

– Чтобы нам не попасться в скверную историю, – сказал я дамам, – разрешите мне дать вам несколько советов!

– А что такое? Разве нам что-нибудь грозит? – тревожно спросила г-жа Г.

– Нет, мне только не нравится это блуждание чёрт знает где!

В это время мы остановились у большого жёлтого дома. Проводник, вместо того, чтобы позвонить, издал какой-то сигнальный свист, подняв голову кверху. Через минуту я заметил, что одна из жалюзей в пятом этаже приоткрылась, – и всё. Потом гид открыл дверь, зажёл восковую свечу, и мы стали подниматься по длинной и грязной лестнице. Внутренне я уже сожалел, что допустил такую ошибку в отношении себя и дам, пойдя за первым встречным, – но, стараясь сохранить хладнокровие, я сказал дамам:

– Мы потребуем, чтобы наши комнаты были рядом. Боюсь, что мы в скверном месте, и нам надо быть настороже.

– Боже мой, вы меня пугаете! Я сейчас же пойду назад, – чуть не крикнула серая дама.

– Но куда же вы пойдёте? – заметно вздрогнув, спросила девушка, – уж лучше нам быть всем вместе! Может быть, ничего страшного и нет.

Когда мы взошли на последний этаж, дверь уже была отперта, и едва она захлопнулась за нами, как ощущение западни охватило меня.

В первых же двух комнатах на полу лежали спящие полуодетые фигуры.

– Что это значит? – спросил я с угрозой проводника. – Куда вы привели нас?

– Не извольте беспокоиться! – смиренно отвечал гид, – здесь ночуют более бедные, которые не могут заплатить больше, чем несколько сольдо!

Введя нас в маленький коридор, он открыл перед нами дверь двух соседних комнат. Одна была совсем маленькая, которую я оставил за собой и где помещались только кровать да небольшой столик; другая была в два окна с гигантской кроватью у стены, примыкающей к моей комнате, чёрным шкапом, как бы припаянным к другой стене, и разной мелкой бесполезной мебелью. Проводник вышел, пожелав нам спокойной ночи, и мы остались втроём. Сейчас же разыгралась курьёзная сцена.

– Как же мы разместимся? – воскликнула серая дама, которая оказалась стриженной русачкой. – Как же мы разместимся? Здесь нет ни другой кровати, ни дивана. Что же мы вдвоём ляжем, что ли? Я не стану даже раздеваться в присутствии постороннего человека, а уж тем более спать вместе.

– Простите меня, – сконфуженно ответила девушка, – но мне кажется, что в данный момент эти рассуждения и привычки неуместны! Я сама не любительница общих комнат, но...

– Вы не любительница, а я принципиально считаю недопустимым!

Споры эти доносились ко мне из их комнаты, в то время как я исследовал свою. По старой привычке я заглянул под кровать, и первое же открытие повергло меня в изумление. Стена имела продолговатую щель во всю длину кровати – пальца в два толщиной. Когда я, просунув палец, попробовал потянуть к себе, – то стена, оказавшаяся в этой части простой деревянной перегородкой на шарнирах, – послушно и легко приподнялась, и я увидел ноги моих спутниц, голоса которых, нервные и злые, раздавались совсем близко. Я вылез обратно, громко прошёлся по коридору и постучался к ним. Меня впустили; я положил свой мешок и гитару возле саквожа г-жи Г. и объявил им о своём открытии, которое показывало, что мы находимся в трущобе, где можно ждать форменного нападения.

Обе дамы заволновались, но зато это сразу прекратило споры об общей комнате, и я взял на себя роль сыщика. Плотнo прикрыв двери, я понял, что в этой комнате есть только одна подозрительная вещь, именно – шкаф. Я подошёл к нему и хотел открыть его, но он был заперт и ключа не было. Я попробовал сдвинуть его, но не смог; очевидно, он был прикреплен к стене или полу; я постучал в него, – по отзвуку было слышно, что он пустой.

Тогда я условился, что спать мы ни в коем случае не будем, но обязательно делаем вид, что спим, т. е. будем легко похрапывать. Затем я отдал щепетильной даме свой нож «на всякий случай» и предложил им держать около себя те полотенца, которые нам полагались. Сам я должен был лечь под кровать.

Условившись обо всём и с грустью взглянув на улицу, я увидел, что место это пустынно, этаж высокий, и вообще дела наши плохи. Дав распоряжения моим дамам, я преувеличенно громко простился с ними и пошёл в свою комнату. Одновременно щёлкнули замки в обеих комнатах, и понемногу наступила тишина. Некоторое время доносились до меня обрывки разговоров, потом всё утихло, – тогда я пополз под кровать и перебрался по ту сторону стены; передав шёпотом, что нахожусь на месте, – я вынул револьвер и приготовился к тому, что, по моему, было неминуемым, т. е. к покушению, если не на жизнь нашу, то, во всяком случае, на наш багаж.

Я нарочно поставил саквояж и коробку в центре комнаты, так что свет луны падал на них. Прошло около часа, когда сверху раздался негодующий шёпот г-жи Г.

– Какой вздор! Вы только напугали нас, испортив и без того безотрадную ночь!

– Молчите! – прошипел я, – и продолжайте храпеть! Вы сейчас увидите, прав я или нет!

Моя уверенность была не безосновательна. Чутко прислушиваясь, я уже несколько раз замечал какой-то шорох в шкафу. Теперь не прошло и десяти минут, как дверь шкафа слегка приоткрылась, и в ней показалась сначала голова, а потом и всё туловище человека, полуодетого, с ножом в руке. Прислушиваясь к движению в комнате, он пристально глядел на кровать... Даже до меня доносилось оттуда тяжёлое дыхание достаточно испуганной девушки, которая, конечно, уже увидела бандита и трепетала за свою жизнь.

Наконец, разбойник успокоился; вылезши из шкафа, он проскользнул к саквояжу и, быстро работая каким-то инструментом, бесшумно вскрывал замок. В тот момент, когда он наклонился, чтобы раскрыть его, я выполз, – и прежде, чем он успел оглянуться, я изо всей силы ударил его кулаком по виску.

– Ко мне! Сюда! – чуть ли не крикнул я, когда бандит свалился.

В мгновение m-elle Люси была уже около меня и закручивала ему за спину руки полотенцем; то же самое более медлительная г-жа Г. проделывала с его ногами. Рот ему заткнули платком.

Первым движением моим после этого было – к шкафу; открыв его, я увидел, что ведет он в какой-то тёмный коридор, а в дверце его торчал маленький ключик и совсем не на том месте, где виден обыкновенный замок. На всякий случай, я его вынул, а потом прихлопнул дверцу, так что она автоматически закрылась. Следующим движением я бросился к окну. Раскрыв его, я несколько минут тревожно следил за покоем улицы; наконец, услышал тяжёлый топот. Уже светало, и это проезжал в стороне последний ночной патруль. Тогда я высунулся в окно, и стал оглашать улицу криками:

– На помощь! На помощь!

А между тем, бандит очнулся и делал попытки выплюнуть платок и сбросить с себя навалившихся женщин; тогда я соскочил с окна, приставил к его виску револьвер и сказал шёпотом: – Если двинешься – убью!

Сменив девушку, я остался около него, а m-elle Люси, высунувшись в окно, продолжала звать о помощи. Уже сбегались люди, и в то время, как карабинеры стучались в дверь на улицу, – проснулись остальные жители трущобы и стали напирать на нашу дверь.

– Скорее! Скорее! – крикнула в последний раз девушка и, в то время, как г-жа Г. надела на связанного бандита, мы бросились к дверям, за которыми раздавались проклятия, брань и угрозы. Тогда я громко крикнул:

– Синьоры, первый, кто сюда сунется – будет убит!

И для того, чтобы отвести их от желания проникнуть к нам, я пролез под кроватью в свою комнату, где дверь уже трещала под напором, и выстрелил. Пуля пробила тонкое дерево и, очевидно, кого-то задела, так как раздался крик и оттуда отскочили. В то же время к нам донеслись грохот выбиваемых дверей, лязг оружия и шум борьбы. Я вернулся к дамам; мы поняли, что карабинеры уже здесь, и я только ждал приглашения, чтоб повернуть ключ. Через минуту раздался властный голос:

– Отоприте! Полиция!

Я отпер, шесть человек карабинеров вошли в комнату и бросились на помощь к дамам. Лицо г-жи Г. было почти диким; казалось, она приросла к охраняемому ею бандиту. Её с трудом оттянули от него и успокоили. Не лучше было и со мной и с m-elle Люси. Помню, что прежде, чем рассказал всю историю, я несколько минут был словно в столбняке. Потом все успокоились; я показал карабинерам всё занятное устройство этой квартиры, передал им ключик от шкапа и, расписавшись под составленным протоколом, в пять часов утра удалился со спутницами и багажом к вокзалу, где мы решили отдохнуть...

Было семь часов с минутами, когда нас разбудил какой-то сторож и спросил, имеем ли мы билеты, так как эта комната только для пассажиров. Пришлось уйти, и на этот раз – проститься. Г-жа Г. уехала в отель, m-elle Люси отправилась на поиски своих знакомых, а я удалился в сторону зеленеющего парка Кашине, – и здесь, на берегу Арно, крепко и сладко уснул...

В 11 я проснулся, умылся тут же у реки и побрёл в город по музеям и церквам. Проходя мимо большой площади и увидя перед рестораном «Гамбринус» музыкальный помост, я разговорился с лакеями и хозяином; мне предложили «на всякий случай» заглянуть сюда вечером и переговорить с дирижёром.

До четырёх часов я был в городе, потом поехал в Фиезоле. Здесь на закате, усевшись на площадке возле монастыря Сан Франческо, – я запел для себя самого. Никого кругом не было. Руины Фиезоле и сокровищницы Флоренции обогатили меня многими мыслями и глубокими настроениями. И мне пелось радостно, молодо и светло.

Вернувшись в город, я отправился к ресторану, где уже собиралась публика, и слышно было издали, как музыканты настраивали инструменты.

– А вот и он! – раздалось около меня, – ну, синьор, вот переговорите с маэстро, – и мы обсудим!

Я подошёл ближе и вежливо поздоровался с дирижёром. Маэстро уселся на стуле, перебросил ногу за ногу, и несколько фатоватым голосом стал допрашивать меня. Молодой, небольшого роста, бледный, с напускной серьёзностью, он казался особенно маленьким рядом с толстым, краснощёким хозяином – очевидно, немцем.

– Вы кто? Поляк, русский?

Почему-то мне показалось более интересным превратиться в представителя дальнего севера, и я ответил с достоинством:

– Я норвежец.

– Норвежец? – переспросил маэстро и, закурив сигару, медленно протянул: – Ну, и что же вы умеете делать?

– Петь народные песни!

– О, это большое искусство! – насмешливо процедил маэстро, – что же, оно очень процветает в Норвегии?

– Да, почти как здесь! – холодно ответил я, и не скрывая насмешки, прибавил: – Там так же много народных певцов, как здесь дирижёров!

Лакеи рассмеялись, хозяин состроил хитрую мину, а маэстро вспыхнул и лаконически спросил:

– Ваши условия?

– В зависимости от работы!

– Выступая через каждые полчаса с 8 до 11, при этом исполняя не менее трёх номеров, – сколько вы желаете получать?

– Пятнадцать франков!

– Глупости! С вас хватит и десяти! Идите к музыкантам и прорепетируйте!

– Глупости! – ответил я ему в тон, – или вы дадите пятнадцать, или идите к чёрту со своей скупостью!.. Я не настолько беден, чтобы нуждаться в вашей милостыни!

Маэстро посмотрел на меня и, подмигнув мне, рассмеялся и прошептал:

– Я вижу, что вы такой же норвежец, как я китаец. Не правда ли, ведь вы – француз?

Я пожал плечами и пошёл к музыкантам. Разговорились, распелись, и через полчаса мы уже вместе концертировали на шумной площади. Субботний вечер собрал много публики; ресторан работал вовсю и к 12 часам, после сытного ужина, которым угощал хозяин всех музыкантов, я пошёл по направлению к маленькому отелю «Адриатика», где решил остановиться.

Проводить меня пошёл какой-то болтливый человек, во время ужина подсевший к нам.

– Простите, – спросил он, когда мы повернули в улицу Брунелески, – вы как? Случайно пели в «Гамбринусе» или у вас контракт?

– О, нет, совершенно случайно!

– Тогда позвольте представиться. Я парикмахер при театре «Альгамбра». Если вы хотите, я рекомендую вас, и вы у нас можете недурно устроиться. Мы как раз нуждаемся в хорошем певце, который бы мог исполнять на разных языках. Ну, вы, конечно, понимаете – то в одном гриме, то в другом.

– То есть как же так: один и тот же человек в разных гримах и костюмах?

– Ну, и с разными фамилиями, конечно! – осторожно прибавил цирюльник.

Мы дошли до площади Мария Новелла и распростились.

– Значит, если надумаете, то приходите завтра ко мне, на Борго ди Кроче, к десяти!

Когда я лёг в постель, у меня уже было готовое, определённое решение пойти в Альгамбра, сторговаться и, не говоря, что я здесь лишь проездом, требовать повечерней расплаты.

* * *

В 10 часов я был у цирюльника, который встретил меня тепло, как старого знакомого, и вместе со мной сейчас же отправился в театр, вернее, в кафешантан, находящийся поблизости.

Здесь мне предложили те же вопросы, что и вчера. Но тут я назвал себя уже русским, якобы знающим северные языки. Около получаса дирижёр, цирюльник и я – спорили, горячились и убеждали друг друга по поводу гонорара, пока не согласились, что выступая три раза в неделю по два сеанса в вечер – один раз, как артист «Скандинавской оперы», а другой раз, как русский «лирник», – я получаю двадцать франков за выход и, кроме того, авансом 35 на обмундировку.

Выпили мы по стакану кьянти и сейчас же начали репетицию. Всё шло благополучно. Грига и Синдинга я пел по-немецки – под рояль, а русские песни под цитру, на которой бледный высокий юноша виртуозно подбирал любой аккомпанемент.

Затем, до самого вечера бродил по городу, пил кофе на пиачетте Микель-Анжело, разъезжал в экипаже по Viale dei Colli, любуясь одним из лучших итальянских видов – панорамой улыбающейся нежной Флоренции.

В 8 часов я вернулся в театр и невольно расхохотался, прочтя на свежоотпечатанной афише объявление, что во втором отделении знаменитый артист «Скандинавской» оперы Signe Grieg споёт лучшие национальные романсы, и что в третьем отделении «старый русский лирник Грегор» исполнит народные песни.

Войдя за кулисы, я встретился с цирюльником, познакомился с актёрским персоналом, из которого некоторые, как и я, исполняли двойную роль. Разобравшись в гардеробе театра, я

примерил несколько фраков, из которых один приходился совсем впору и был надет для второго отделения. Цирюльник Беппо завил меня и устроил роскошную шевелюру. В таком виде я вышел в 10 часов вечера на небольшую сцену «Альгамбра» и пел «скандинавов». Романсы понравились, но так, как это было серьёзно, то публике весёлого театра показалось скучным, это чувствовалось даже в преувеличенном внимании. Вернувшись за кулисы, я стал переодеваться. Для меня приготовили нечто похожее на зипун; лицо, при помощи парика и тресса, превратилось в добродушно-стариковское, и, заунывно распевая и без того тоскливые песни, я уверял себя, что именно так поют лирники, которых я никогда не слышал и смешивал со «слепцами».

Наступил выход. Медленно шагая, переступив порог сцены, я поклонился в пояс публике, что, очевидно, её заинтересовало; сев на пол, поджав под себя ноги, я взял несколько аккордов на цитре. Потом я запел «Ноченьку» уныло и скорбно, старческим голосом, перебирая пальцами струны, в то время, как в оркестре цитрист тихо аккомпанировал. Этот номер вызвал громкие рукоплескания и повторение. Так было со всеми тремя песнями. Я был доволен своим успехом, почти решив остаться здесь ещё на две, на три гастроли. Но как раз, по окончании спектакля, обратившись к администратору за условленным гонораром, я совершенно неожиданно наткнулся на неприятность. Администратор заявил, что он не может выдать мне денег раньше, чем я пропою три раза, т. е. не ранее, как через неделю. Я стал оспаривать, браниться. В конце концов, вспомнив, что у меня находятся 35 франков на обмундировку, о которых он в этот момент забыл, – я решил не возвращать их и уехать.

Видя, что я ухожу, г-н Лючини, администратор, и дирижёр Киавари почти одновременно воскликнули:

– Значит, вы согласны?

Но я ничего не ответил и вышел на улицу. Меня догнал цирюльник, и мы вместе отправились перекусить в вокзальный буфет. Я решительно отказался продолжать беседу о случившемся, и мы разговорились о театре вообще. Беппо рассказал мне, между прочим, о комической труппе, гостившей здесь дней десять назад и потом уехавшей в Рим. Он рассказывал о том, как они ставили какие-то старинные пьесы, но затрагивали в них современные темы, многое остроумно осмеивая и вышучивая...

– Это искусство! – говорил повеселевший Беппо, – выходя на сцену, болтать с публикой, и ещё не зная, что она скажет ему, иметь всегда готовые и ядовитые ответы... Это искусство! И какие молодцы! Когда они были здесь, то узнали, что наш знаменитый профессор-хирург Энрико Бурги, женатый на злой и глупой женщине, получил от одного богатого пациента, которому он удачно ампутировал ногу, пять тысяч лир, и подарил их дочери, чтобы она могла уехать в Париж и поступить на курсы... Так вот они изобразили доктора на сцене так:

«Профессор сидит на берегу Арно и горько плачет: ах, почему я не отрезал ему и вторую ногу? Я бы имел возможность отправить в Париж и мою жену!»

Мы оба посмеялись забавной шутке импровизаторов и вскоре простились.

– Ну, значит, до завтра! – воскликнул Беппо, уходя.

– Нет, навсегда! Я иду сейчас за вещами и уезжаю.

– Но, позвольте. Ведь вы же ещё не получили ваших двадцати франков! – с удивлением воскликнул цирюльник.

– Но вы забыли, голубчик, что тридцать пять на обмундировку остались у меня, – ответил я любезно Беппо.

Тот расхохотался и похлопал меня по плечу.

– Accidente, ха-ха!/? Теперь я понимаю, почему вы так спокойно ушли, не пообещав ему ни в ухо, ни в шею!

Я пошёл в отель, взял вещи, оставил деньги за комнату у портье, и уехал с последним поездом.

Между прочим, меня постепенно начала одолевать назойливая мысль – не прекратить ли своё пение и не попробовать ли прожить дня три-четыре в Риме, насмотреться вдоволь и вернуться обратно в Швейцарию. Но едва я очнулся на площади Римского вокзала против грандиозных остатков Терм Диоклетиана, где помещается музей, – почувствовал, что возвращаться мне ещё рано, необходимо заработать такую сумму, чтобы пробраться ещё южнее, если не до Сицилии, то хоть в Неаполь, и потом на обратном пути, уже не работая, – спокойно осмотреть все города от Неаполя до Милана

Около Форума, который я разглядывал сверху, я встретил маленькую девочку с цветами. Её звали Пиппа, ей было восемь лет. Я купил у неё первых свежих фиалок и, так как она продолжала стоять около и, как и я, смотрела вниз на белеющий и сверкающий на солнце мрамор, – то у нас завязалась беседа. Когда я спросил, где её папа и мама, она повела меня в еврейский квартал, где у её родителей была овощная лавочка. Я привёл к ним девочку и спросил, не позволят ли они их Пиппе сопровождать меня, пока я буду петь по ресторанам. Они сначала отказались, не зная, можно ли мне доверить ребенка, но разговорившись, очевидно, убедились в моей искренности и безопасности – и отпустили её. Условленный заработок 2 франка я отдал им сейчас же, и мы вышли с Пиппой на улицу. Она запаслась цветами, распустила свои густые чёрные волосы и, доверчиво взяв меня за руку, пошла со мной.

Было близко к закату. В этот час многие римляне любят подниматься на Джаниколе, самый высокий из окружающих холмов; здесь, возле прекрасного памятника Гарибальди, публика отдыхает, гуляя среди густой зелени, близ пышных садов.

Когда мы пришли туда, народу было немного, и все сосредоточились у памятника. Я сел на одну из угловых скамеек и запел. Теперь я знал уже немало итальянских песен и, чувствуя на себе волну ароматной солнечной весны, пел всё страстней. Люди слушали меня; – иногда, поднимая глаза, я видел, как девочка проходила с моей шляпой мимо всех этих людей, и они бросали ей монеты. И ласковая хорошенькая Пиппа, словно понимая и чувствуя благодарность, вынимала из своей корзиночки по два, по три цветка и давала их тем, кто бросал ей деньги.

Когда стало темнеть, мы спустились по извилистой дороге к площади св. Петра, обошли длинную колоннаду, и подойдя к ресторану «Еурогеа», я попросил разрешения присесть около и спеть. Здесь, в этом скученном квартале, мимо нас проходили самые разнообразные люди – туристы, бедняки и монахи. И никто не слушал даром; каждый считал своим долгом положить монету... Вот остановился возле нас высокий старик-монах.

– На каком языке вы поёте? – спросил он меня, когда я пропел любимую «Ноченьку».

– На русском, отец!

– Боже, сколько грусти, сколько тоски в этом пении и в этом народе! – тихо сказал старик и бросил в шляпу большую серебряную монету. Он уже хотел идти, когда девочка, еврейская девочка, остановила его:

– Подожди... минуточку.

И, связав несколько пучков фиалок, она преподнесла их старику. Он наклонился к девочке, погладил её по головке и спросил меня:

– Давно она с вами?

– Нет, отец, только с сегодняшнего дня!

– Да благословит вас Бог! – сказал старик и, вынув из кармана две маленьких кредитки, он одну бросил в шляпу, а другую в корзинку Пиппе и быстрыми шагами удалился.

Девочка подбежала ко мне и шепнула на ухо:

– Какой добрый старик! Смотри, он и мне дал!

– Вижу, вижу, carina!..

Мы простились с публикой и пошли дальше. Перешли мост возле мрачного замка св. Ангела. Бродили вдоль берега Тибра, завернули на широкую улицу, которая привела нас к главной артерии города – Корсо Умберто. Не зная, куда идти, мы вошли в боковую улочку,

и здесь нас приковал к себе ресторан «Конкордия». Здесь нас хорошо слушали, но совсем спокойно. Потом я узнал, что там было много торговцев, коммерсантов, которым было не до меня... Но всё-таки Пиппа вернулась с тяжёлой шляпой, а хозяин любезно обменял медный и серебряный сбор на бумажки.

Вышли мы оттуда часов в девять – я уже хотел отвести девочку домой, когда, проходя мимо ресторана «Сан-Карло», решил сделать последний сеанс тут, а потом пойти переночевать где-нибудь.

Нас приняли в «Сан-Карло» тепло и любезно. Пиппа пошла сначала сама с цветами; потом я запел свой обычный репертуар. Здесь были артисты, художники, богатая молодёжь, и платили они немало. Русские песни особенно понравились, и некоторые из них я бисировал. Публика сменялась. Отдыхая с полчаса, я ужинал сам и кормил мою маленькую девочку. Рассчитавшись с хозяином, я улыбнулся и сказал:

– Ну, в последний раз, и на отдых!

– Так, так, – ответил хозяин и засуетился между столиками. Для конца я запел из Мас-сне, из Мазиньи, и, наконец, неаполитанские песни. Особенно одна из них, которую ещё мало знали, вызвала одобрение публики и, когда я, вместе с девочкой, проходил между столиков, аплодисменты сопровождали меня. Вот Пиппа подошла к столу, за который недавно уселись два высоких молодых человека, изящно одетых, очевидно, из хорошего круга. Один из них стал рыться в портмоне и, когда Пиппа подошла к столу, он хотел бросить ей франк; но едва его рука шевельнулась, как собеседник остановил руку, и я услышал русскую речь:

– Да что ты делаешь, право? Всякой бродячей сволочи кидаешь франк...

Кровь бросилась мне в лицо, и когда непонимающая девочка протянула ручку, господин крикнул:

– Via! (Прочь)

И, обернувшись к соседу, воскликнул:

– Брось ему два сольдо и пошли его к...

Тут раздалась грубая площадная брань. Девочка, испугавшаяся крика, прижалась ко мне, а я сжимал в руках гитару и чувствовал, что вот-вот сейчас ударю по голове этого негодяя.

Вероятно, на моем лице ясно отражалось моё состояние, потом что со всех сторон раздалась отрывистые крики:

– Что случилось? Что сказал этот господин?

Тогда я обернулся к молодым людям и громко сказал по-русски:

– Вы очень любезны, милостивый государь. Но берегитесь! В Италии бродячая сволочь – певцы – в гораздо большей чести, чем та аристократическая сволочь, которая ещё не научилась вести себя прилично!

И, схватив гитару за гриф, я взмахнул ею, но вовремя опомнился и взволнованно ответил публике, поднявшейся с мест и угрожающе толпившейся кругом:

– Господа, дело очень просто. Я встретил своих соотечественников, у которых не нашлось ничего, кроме самой циничной брани для меня и грубого окрика этому ребёнку.

Едва я произнёс последнее слово, как десятки голосов закричали:

– Вон, вон отсюда! Долой эти свиные рыла!

Раздался топот, шум раздвигаемых стульев, и в одно мгновение эту пару окружили лакеи, подали им шляпы и молчаливо указывали на дверь. Оба джентльмена, закусив губы, поднялись со своих мест, бледные и испуганные. Первый из них вынул портмоне, чтобы расплатиться, но хозяин преувеличенно раскланялся и, не позволив лакеям подать счёт, иронически воскликнул:

– О, не тревожьтесь, пожалуйста. Зрелище, которое вы доставили нам, стоит гораздо дороже моего вина. Не надеясь с вами встретиться – честь имею кланяться!

Аплодисменты ответили хозяину, и жизнь ресторана вошла в свою колею. Через несколько минут мы с Пиппой вышли, и я привёл её домой. Добрые бедные евреи ни за что не хотели отпустить меня, и заставили переночевать в их тесной комнатке. Сквозь сон я слышал, как девочка рассказывала о добром монахе. Вдруг ко мне донёсся крик:

– Как? Ты кушала?.. Что же ты кушала? Разве ты не знаешь, что трефное – это грех?!

Я расслышал и ответил ему просто:

– Не беспокойтесь, старик. Хотя я и не знал, что вы так набожны, но я, на всякий случай, накормил её только яичницей и молоком!

– Спасибо, спасибо. Вы хорошо поступили! – сказал старик, войдя ко мне и пожимая руку.

Я крепко заснул; но в голове моей неотвязно вертелась мысль, что надо бросить это бродячее ремесло, так как даже один раз нарваться на такой случай, как сегодня, слишком тяжело и обидно.

Утром я простился с ними и, так как день был очень тёплый, пошел на Форум; там, около маленькой колонки близ Атриума Весты, – я расположился на отдых.

В комической труппе

Было около полудня. Радуюсь солнцу, и в то же время скрываясь от него, – я улёгся на одной из широких скамей Монте-Пинчио таким образом, что только голова была в тени, а тело медленно согревалось.

Возле меня на песке лежала гитара в сером коленкоровом футляре, а под головой мой горный мешок.

Я был свободен: мне уже немножко надоело петь по вагонам и кафе. И я с радостью предавался отдыху, прежде чем с наступлением вечера опять искать работу.

Я лежал с закрытыми глазами и вряд ли даже думал о чём-нибудь. Солнце юга тем и хорошо, что полно сладостной неги, что в нём есть отдых райский... Ничего не думаешь, ни о чём не грезишь, – просто отдыхаешь всем существом...

Вот в таком состоянии полудремоты я услышал разговор, происходивший недалеко от меня, вероятно, около перил широкой балюстрады, с которой открывался вид на весь восточный Рим.

– Нет, моя мысль такова! – говорил какой-то старческий, низкий голос. – Сейчас преддверие сезона иностранцев. И весело было бы ввести эти роли в пьесе, ставя их в смешные положения – то из-за неправильной речи, то из-за «манчия»¹⁸, то из-за какой-нибудь нелепой выходки «чичероне»!

– Вы правы, маэстро!.. Это было бы хорошо! – отвечал молодой и гибкий голос. – Но кто же у нас сойдёт за иностранцев?.. А их ведь нужно несколько...

– Вот я об этом и думаю.

– Ах, да, маэстро! Я и забыл, что нам необходимо озаботиться о певце. Наш Грациано болен. И согласитесь всё же, – то, что терпимо в Генуе, невозможно в Риме и в Неаполе?! Ведь он поёт на генуэзском диалекте!?

– Простите меня, друг мой... Но и об этом я уже сам подумывал. У меня предчувствие, что мы на пути к цели... Вы видите, там на скамье спит какой-то человек, возле которого в мешке гитара... Очевидно, – бродячий певец, – ерго – неаполитанец, так как это их специальность...

– Ой, не думаю. Он одет не так. И у него под головой горный мешок, как у туристов. Вернее, что это просто какой-нибудь иностранец.

– Va bene!.. Переговорим с ним. И будем просить либо об услуге за деньги, либо просто о высшей любезности. Если он француз, то согласится...

После замечания о горном мешке я уже понял, что разговор касается меня; и, когда две тени загородили мне солнце, – я открыл глаза и повернулся к ним.

– Простите, синьор, что я беспокою вас! – сказал, опираясь на толстую сучковатую палку, старик с прекрасным актёрским лицом и живыми умными глазами.

В то же время молодой человек высокого роста, с чёрной бородкой и тонким восточным носом, приподнял шляпу и, улыбаясь, прибавил:

– Ваша гитара заставила нас забыть учтивость. Мы очень нуждаемся в музыканте-певце. И хотели бы об этом переговорить с вами!..

В ответ я улыбнулся и пригласил присесть.

– Знаю. Я слышал весь ваш разговор. И не скрою, что мне приятно будет иметь дело с актёрами, так как до сего дня я одиноко пел по вагонам и кафе. Но только должен предупредить, что я не француз, а русский!..

¹⁸ «На чай».

– Русский?! – с энтузиазмом воскликнул старик. – Да ведь это же клад! Это способнейший народ. Я бывал в России и играл там, и видел их театры. Много жизни, много экспансивности!.. Много чувства... Очень рад представиться. Терцини – директор комической труппы. Мой молодой режиссёр и помощник – Андрео Чиони.

Я представился и, не желая обманывать их, назвал свою настоящую профессию, объяснив им в нескольких словах причины моего путешествия с гитарой по Италии.

– *Accidente!*!.. – воскликнул старик. – Как это похоже на русского!.. Студент химии ездит по Италии, поёт интернациональные песни, живёт жизнью бездомного бродяги и зарабатывает деньги... Прекрасно!.. Вы мне нравитесь!.. И я очень прошу вас присоединиться к нам. О гонораре мы поговорим потом... Во всяком случае, он не будет меньше того, что вы вырабатываете за день!.. А лучше всего пойдёмте вниз к молочной ферме, и там переговорим обо всём!

Я надел на себя мешок, перекинул через плечо гитару, и мы спустились втроем по длинной песчаной аллейке вниз, где среди роскошной зелени «Виллы Боргезе», открывался розовый «молочный» домик...

– Прежде всего, мой дорогой, – сказал старик, когда мы тронулись в путь, – я расскажу вам о нашей труппе... Кто мы, что мы и зачем мы существуем.

Зимой я и мои друзья – мы все служим, как обыкновенные актёры, в Национальном Театре в Генуе. Играем трагедии, драмы, комедии, даже водевили, – словом, всё, что угодно... Но разве это искусство?!.. Как вам, вероятно, известно, – настоящее искусство театра, искусство *импровизации* – уже давно ушло... И кажется, как будто бы его и не нужно!.. Но это не так, совсем не так! Оно нужно, оно необходимо, – и народ Италии – *демос* любит, обожает свой площадной театр... Глубоко уважая великого Сальвини, играющего Отелло или Гамлета, они *обожают* и *превозносят* маленького Риккони, играющего родного всем нам Пульчинелло, и *любят* меня, играющего Труффальдино.

И эта любовь настолько слаще уважения, что я, как и отец мой, вот уже много-много лет каждую весну разъезжаю по городам Италии, и в маленьких театрах, в кварталах, населённых *демосом*, и ради *демоса* – ставим Гоцци, Мариво и собственные пьески.

И вы бы видели, как принимает нас народ, как дорог ему его собственный театр!

– И ещё прибавлю я, – произнёс Чиони в то время, как старик, сняв мягкую серую шляпу, отирал лицо красным ситцевым платком, – из года в год путешествуя, мы изучили прекрасно, что любит наш народ; и мы убедились, что ему недостаёт сказки и радости... Вот почему, задыхаясь от смеха до слёз, когда мы, вызывая его на откровенные беседы, помогаем ему осмеять и Ватикан, и Квиринал и Монтечиторио¹⁹, – он с такой же радостью уносится в какую-нибудь увлекательную фантастическую картину, из-за которой сквозит тонкая и жгучая мораль. Народ – это прекраснейшая аудитория.

– Народ – это большой ребенок, – произнёс старик, – у которого не было настоящего детства, которого били, мучили, пугали всякими ужасами, но который всё-таки, оставшись в глубине своих сокровенных мыслей ребёнком, становится самим собой только у нас, только в стенах нашего театра, куда допускаются, конечно, все, и где все чувствуют себя как дома...

Мы подошли к розовой ферме, заняли столик и, заказав сыру, молока и яичницу, – продолжили нашу беседу.

Я спрашивал о пьесах, об актёрах, о времени подготовки и т. д.

– Всё это вы увидите на деле, – отвечал старик, – но вкратце я вам должен сказать, что актёру нужна не книжка, а тип. Неважно, если актёр скажет не то, что написал автор. Важно, чтобы он сказал то, что этот тип мог бы сказать. Выучки ролей наизусть у нас почти что нет; я её сам не особенно люблю, да и народ этого не любит... Выучка лишает естественности, а отсутствие естественности делает актёра смешным. Искусство актёра заключается в том, чтобы

¹⁹ Итальянский парламент.

быть *лицедеем*, но таким искусным, чтобы он казался ещё более выпуклым, чем в действительности...

Между нами и испанцами та разница, что те, идя на бои быков, предвкушают наслаждение зрелищем, которое есть сам *реализм*. Мы же предпочитаем зрелище, которое известно нам как выдумка, как «театр»; – но мы его признаём и принимаем только тогда, если в продолжение этого зрелища мы всё время будем в состоянии напряжения, как будто перед нами не выдумка, а истина, реальное!.. Вот таковы наши принципы!.. А ещё и другое... Театр «*Комедии дель арте*» не умер, – и в Италии никогда не умрёт... В каждой стране есть свои народные маски: у вас Петрушка, Иван-Дурачок; у немцев – Эуленшпигель и Ганс Вурст; у французов – Полишинель и Пателен и т. д. Но никто не сумел воплотить их на сцене так ярко, как мы – итальянцы!

И я скажу вам смело: забудутся Сальвини и Росси, Дузе и Бернар; их великие создания будут мифами и легендами, которым будут хорошо или скверно подражать другие... Но Пульчинелло, Арлекин и Панталоне – они не забудутся, они будут вечно жить, потому что они есть квинтэссенция нашего национального самосознания и самокритики.

Вот вы познакомитесь сегодня с нашим Арлекином... Поговорите с ним, и вы увидите, что существуют люди, которые переносят театр даже в свою личную жизнь вне сцены, и не потому, что им нравится эта театральность, – а потому, что они уже по существу Арлекины – в лучшем смысле этого слова!..

Мы говорили ещё о многом, близком искусству, – но я перейду теперь к тому моменту, когда два часа спустя, – мы подошли к театру Метастазियो, на улице Паллакорда.

Маленький театрик, рассчитанный на несколько сот человек, ничем не выделялся ни снаружи, ни внутри... У входа висела большая афиша, на которой стояло следующее:

ПОСЛЕДНИЕ СПЕКТАКЛИ КОМИЧЕСКОЙ ТРУППЫ ИЗ ГЕНУИ

В субботу 16 марта т. г. представлено будет:

«СЛУГА ДВУХ ГОСПОД»

Комедия Гольдони

«ИСТОРИЯ С ОСЛОМ»

Интермедия

В воскресенье 17 марта т. г.

Весёлая комедия:

«ЧТОБЫ НЕМНОЖКО ПОПЛАКАЛИ»

Начало в 8 час. вечера

– Эй, кто-нибудь! – громко произнёс Терцини, когда мы по крохотной лестничке вошли за кулисы театра.

– Нет никого?! А? Чёрт возьми!.. Рафаэлло! Рафаэлло!

– Иду, синьор, сейчас, сейчас!.. – и из-за ряда спущенных декораций выскочила неуклюжая хромая фигура...

– Познакомьтесь, господа!.. Вот наш новый товарищ Грегорио... А это Рафаэлло – наш библиотекарь и костюмер!..

Мы раскланялись, пожали друг другу руку, и я сразу почувствовал симпатию к этому человеку, который дни и ночи проводил в театре, занимаясь всякими тряпками, книгами и бутафорией...

– Сегодня у нас идёт «Слуга двух господ», – где занята вся труппа, и всё уже готово... А вот через час соберётся наш кружок для уяснения завтрашней пьесы, которая есть всецело импровизация... И вот вы сегодня же увидите, как это делается. А пока пойдёмте, я вам покажу всю сцену, декорации и уборные.

Мы отправились всей компанией. Всё было просто, нарочито просто, хоть и театрально. Декорации, близкие к старинной комедии, т. е. больше всего построены на спущенном фоне.

Несколько позже собралась понемногу труппа. Все отнеслись ко мне тепло и сердечно и поразили меня дисциплиной. Как только Чиони попросил внимания, все тихо расселись кружком и, что называется, обратились в слух.

– Синьоры! Завтрашняя пьеса в масках! – медленно, но деловито говорил Терцини. – Кое-что из старого, кое-что из нового... Новое – это введение иностранцев, которых будет исполнять наш новый товарищ, который, будучи к тому же певцом, заменит нам Грациани... Теперь прошу внимания! Я прочитаю вам сценарий!

И слово за словом, он рассказал им содержание пьесы, причем выражалось оно так: «сцена происходит там-то», «на сцене такие-то». Одно лицо говорит о «том-то», «другое ему отвечает». «В антрактах такие-то лица проделывают те или иные «lazzi»»...

Каждое названное лицо принимает к сведению своё положение в пьесе, – и всё... Когда дело доходит до появления в интермедии иностранцев, Терцини оборачивается ко мне и любезно говорит:

– Вам я объясню подробнее потом! Но вы запомните, с кем имеете дело на сцене, как нужно с ними разговаривать и о чём!..

Так побеседовали часа два, и разошлись. Вечером я заранее пришёл в театр, чтобы, пока ещё сам свободен, – рассмотреть публику...

Тут меня поразило следующее: здесь *демосом* являлись не только плебеи – мещане и рабочие, здесь в ложах сидела самая настоящая интеллигенция, которая тоже радовалась, что хоть несколько дней в году она получает настоящее удовольствие от истинного театра, а не от компании хорошо заведённых и мастерски сделанных манекенов...

Здесь были и взрослые, и дети; все приходили своевременно, шумно рассаживались по местам и, вслух прочитывая программу, восклицали: – «А! Терцини!.. Это будет здорово!.. А кто играет доктора?.. Бернарди?.. Ну, этот посмешит!..»

Предвкушая удовольствие, они осматривали друг друга, улыбались и, вместо наших салонных приветствий и разговоров, звучали простые тёплые слова:

– А, синьор Балла!.. Вот наконец приехали к нам весенние друзья! Насмеёмся теперь на весь год! Ха-ха!

И такие же ласково-радостные восклицания раздавались отовсюду.

Наконец раздвинулся занавес, и началась весёлая комедия похождениям Труффальдино... Терцини был в ударе. Я изумлялся, глядя на этого старика, совершенно преображённого и проворного, как юноша. Вся пьеска, написанная в тонах комедии дель-арте, была разыграна прекрасно... И хохоту, и аплодисментам не было конца...

Но вот закончилась комедия, и публике предстояло ещё большее удовольствие... Следующая пьеска называлась так: «История с ослом»... (Никто не знал её содержания, и в программах ничего не было сказано о действующих лицах. Всё это служило залогом чего-то нового и неожиданного.)

Опять раздвинулся голубоватый занавес. Мы увидели перед собой дверь в «остерию»²⁰ и несколько простых трактирных столиков. За одним из них сидел толстый монах, в котором сейчас же узнали старика Терцини. Перед ним стоял стакан с недопитым вином. Ударяя кулаком по столу, монах гневно разговаривал с высоким трактирщиком, возмущаясь тем, что в «остерии» так мало вина...

– Я хочу пить и хочу напиться!.. А у тебя на стойке каких-нибудь двадцать фиаско с вином!

– Carissimo padre! Ну, мыслимое ли дело, чтобы вам не хватило двадцати фиаско! Подумайте!

²⁰ Трактир.

– Дурак! С меня достаточно и двух!.. Но я только тогда пью с наслаждением, когда мне кажется, что если я захочу, то буду пить бесконечно... А когда я вижу каких-то несчастных двадцать бутылок, то мне противно выпить даже один стакан!.. Нате вам ваш сольдо!.. – крикнул монах и бросил на стол небольшую медную монету...

– Эй, эй, простите!.. Но с вас следует за стакан два сольдо!..

– Но ведь я выпил только половину!.. Это незаконно!.. Другую половину выпьете вы сами, и с меня же ещё возьмёте лишнее сольдо?!.. Да ведь это же воровство среди бела дня!..

– Ах ты, папский осёл!.. Да чтобы после тебя да кто-нибудь стал пить?! Тьфу!..

И трактирщик выплеснул остаток вина на землю.

В это время монах, на котором висели сумки с деньгами, собранными в приходе, озирается вокруг и спрашивает:

– Эй, кто-нибудь!.. Нет ли здесь поблизости осла, который довёз бы меня до города?

– Если padre позволит, то есть! – восклицает немного гнусавый голос.

И вся публика, как один человек, приветствует новое лицо... Ещё бы!.. Это был Пульчинелло в своей чёрной носатой маске, в белом длинном балахоне, стянутом верёвкой, и белом колпаке...

– Где же твой осёл? – спрашивает патер.

– Сейчас, сейчас... я только немножко покормлю мою ослицу!.. Только, пожалуйста, падре, не бейте её сильно, если она остановится... Скажите ей два ласковых слова, потрепите её по шее, да подёрните за хвост, – и она сейчас же побежит вперёд!..

В это время трактирщик ввёл небольшого осла; патер перекинул через седло две сумки с деньгами, и, с помощью присутствующих, с трудом влез на седло; в то же время Пульчинелло ловко отрезал сумку с деньгами с одной стороны, а трактирщик с другой. И, дав хорошего пинка ослу, они проводили монаха всякими напутствиями.

Тут начался забавный разговор на злобы дня, затрагивающий всевозможные щекотливые вопросы, заражая весь зал весельем.

Вдруг, едва успев спрятать обе сумки, собеседники видят запыхавшегося монаха, который, ведя за уздцы брыкающегося осла, неистово кричит и объясняет, что, когда он дёрнул осла за хвост, тот его сбросил наземь, и, пока он лежал без чувств, – осёл съел две сумки, переброшенные через седло...

– Ах ты, негодяй! – обрушился он на Пульчинелло. – Ты меня втройне надул! Ты сказал, чтобы дёргать его за хвост, а он этого не выносит; ты сказал, что накормил его, а он с голода сожрал даже кожаные сумки; и потом ты сказал, что это ослица, а он оказался ослом!..

– Да не может быть! – изумлённо воскликнул Пульчинелло. – Да откуда ж вы узнали это?

– Да я, – полушёпотом отвечал монах, – когда дёргал за хвост, так уж кстати и посмотрел... А он в это время и свалил меня!..

– Ах ты, такой-сякой! – стали кричать на него и трактирщик и Пульчинелло. – Так ты ещё скотину развращаешь!.. Так вот же тебе!..

И, отдув палкой толстого монаха, Пульчинелло вскочил на него верхом и крикнул с пафосом:

– Ну, теперь я тебя самого объеду... Мы достаточно кормили вас нашим трудовым хлебом; и вы так зазнались, что решили всю свою жизнь пользоваться ослами, которые вас кормят и возят... Нет!.. Пришло теперь время, когда откормленные нами папские осла повезут нас туда, куда мы заставим их идти!.. А наш путь один: не собирать во имя Божьего прощения, а раздавать во имя человеческой справедливости!.. Avanti!..

И, сильно хлестнув монаха, Пульчинелло ускакал верхом.

На следующий день с утра мы отправились втроём (Терцини, Чиони и я) в парк «Виллы Боргезе», и здесь, на широкой поляне, удобно улеглись на траве и стали заниматься.

Терцини объяснил мне следующее:

– Вы и не можете себе представить, друг мой, как дороги для нас иностранцы!.. Это наша вечная дойница!.. И, благодаря великому прошлому нашей страны и прекрасному климату, которые будут вечно привлекать сюда туристов, – надо полагать, что и дойница эта будет вечной! Вы не думайте всё же, что наше отношение к ним только меркантильное!.. Боже сохрани!.. Нас трогает эта любовь, переносимая с людей эпохи Возрождения на нас – маленьких, объединённых итальянцев, ничего общего не имеющих ни с древними римлянами, ни со средневековыми тосканцами...

Но именно эта странная, немножко непоследовательная любовь к нам заставляет нас улыбаться экспансивности, казалось бы, самых нетемпераментных народов... И улыбка эта иногда бывает лукавой, иногда добродушной, а иногда и злой.

Если принять к сведению, что наши семейные и общественные обычаи сильно разнятся от обычаев наших дорогих гостей, – то понятно, что на этой почве часто происходят самые курьёзные недоразумения...

Вот почему мне хочется вставить такой номер, который публику развеселит, а вам даст возможность сразу выдвинуться, если только вы способны ощутить, прочувствовать каждую национальность.

А комедия будет такова: к крестьянину, никогда ранее не сдававшему комнат, придут один за другим четыре иностранца снять по комнате. Вы будете играть – *всех четырёх*... У каждого будут, конечно, свои требования, достаточно противоположные друг другу... И вот картина, как хозяин, сначала счастливый тем, что нашёл квартиранта и что требования его так легко исполнимы, – приходит в отчаяние и ужас от полного хаоса, в который должна превратиться его жизнь, благодаря различию требований всех квартирантов вместе.

Никакого «текста» я вам не дам, как не дам его и другим. Я только укажу руководящие начала для каждого типа.

Первым вы играете «англичанина». Требования понятны и ясны: чистота, тишина, отсутствие иностранцев, хороший стол...

Второй раз вы являетесь «немцем». Опять-таки чистота, хороший стол, право петь и шуметь до 11 часов вечера, желательность ещё кого-нибудь, чтобы была компания...

Третий раз вы являетесь «французом»... Вам уже всё равно относительно стола, но комната должна быть чистой; компании вы всегда рады... но терпеть не можете немцев и в особенности их пения («они режут, как ослы»), и требуете для себя «разрешения» чувствовать себя абсолютно «свободным» до полночи.

Наконец, вы являетесь «русским»... И (простите мою насмешку!) вам уже безразличны и чистота комнаты, и достоинство стола; вы только требуете, чтобы могли делать всё, что угодно и когда угодно... А компанию вы очень любите, особенно если в ней есть охотники попеть и попить...

Вот ваши роли на сцене... А остальное – именно момент, когда за сценой все четверо, сцепившись, устраивают домашний скандал и драку, – это будет после выяснено.

Ну, а теперь сами обдумайте всё это и не волнуйтесь... А, главное, *если вам крикнут что-нибудь из публики, вы отвечайте, обязательно отвечайте*, и поострее, но в духе типа, которого вы изображаете.

С большим волнением я ожидал последнего спектакля, где весь инцидент с иностранцами носил только эпизодический характер интермедии, имеющей единственную цель ввести в сатирическую комедию возможно более смеха...

Придя часов в шесть в театр, я осмотрел все костюмы, примерил их. И странно... как только я превратился в «иностранца», волнение куда-то исчезло: я почувствовал, что не боюсь импровизации, и сумею сказать то, что надо...

Вот наступил и вечер. Терцини помогал мне в гриме, который надо было быстрее образом сменять четыре раза, ибо публике, только по окончании интермедии, полагалось узнать, что всех иностранцев играл один человек...

Чтобы уяснить, как всё это делалось, я расскажу по порядку, хотя рассказать в точности сейчас, через десять лет, довольно затруднительно: придётся выпустить многие фразы, которых я уже не помню, и дать только схему...

Итак, на сцену вышел старик-крестьянин и рассказал почтенной публике, что он снял в аренду маленькое «палаццо» в несколько комнат; что если год будет хороший и приедут иностранцы, то и он малость заработает... А то вот прошлый год его сосед Пиетро за одно лето приобрёл от иностранцев столько, сколько за пять лет не наработал... А сосед Джиованни на деньги «форестьеров» двух дочек замуж выдал...

Рассчитывая так, что дочке его Виктории сейчас двенадцать лет, – крестьянин высказывает блестящие надежды и решения. Если четыре лета удачно сдавать комнаты со столом, то к тому времени и за Викторией можно будет дать хорошее приданое, и свой век обеспечить, и даже наследство оставить будущим внукам...

В это время вхожу я англичанином; на мне полосатый костюм, через плечо сумка и бинокль, на голове шляпа «здравствуй-прощай»... Грим характерный: обострённый нос, рыжие бакенбарды и борода; в руках маленький жёлтый саквояж; во рту – сигара...

Соль разговора, конечно, заключается в определённом неправильном произношении и в односложности.

– Buon giorno! Есть у вас комнаты?..

– О да, синьор! Целых шесть!.. Одна другой лучше!.. Прикажете на солнце или в тени? – и т. д., засыпая меня вопросами.

– Покажите!.. Да, прежде чем смотреть, прошу вас знать, что мне нужен также хороший стол...

– О, пожалуйста!..

– Покой!

– Покойней вам и не найти! Я живу здесь вдвоём с дочкой...

– Никаких иностранцев!..

– Да откуда им и быть-то?.. Эти собаки... Виноват, позвольте я покажу вам комнаты!..

– All right!

Мы входим в дом, и я сейчас же бегу переодеваться... А хозяин возвращается обратно и беседует с публикой:

– Ну, вот, слава Богу, – хоть один, да хороший... Какую цену назначил, на ту и согласился... Ну, ему у меня будет хорошо... За чистотой поглядит Виктория, обед я сам сварю, а что касается тишины, – сколько угодно!.. Ну, Санта Мадонна, теперь можно и за работу!

Выхожу я немцем. На мне зелёный туристский костюм, тирольская шляпа. На плечах – горный мешок. В руке высокая альпийская палка и красный Бедекер. Лицо молодое, с усиками; во рту – трубка.

Теперь у меня другой выбор, другой голос и вместо односложности – распространительность...

– А! Buon giorno, Signore!.. Не найду ли я у вас комнаты со столом, если можно – на солнечной стороне?.. И при этом не особенно дорого?..

– Пожалуйста, синьор, посмотрите!.. Есть несколько хороших комнат: одни выходят в сад, другие на площадь!..

– У вас есть квартиранты?..

– Есть, синьор, один!..

– Только один?!.. Ну и то хорошо... Я люблю компанию... Он, конечно, немец?

– Нет, синьор, если не ошибаюсь, англичанин...

– Ну, это уже хуже!.. Ну, что ж делать!.. Комната чистая? Кто прибирает? Стол хороший?..
– Прибирает моя девочка, синьор!.. Не беспокойтесь, будете довольны!..

Я гляжу в сторону, где будто бы вижу Викторию...

– Ах, это она и есть?.. È bella ragazza! Ха-ха!..

Тут, подмигнув старику, я дружески хлопаю его по плечу, и прошу показать мне комнаты.

– Только, конечно, я хочу быть как у себя дома... Ложусь я в одиннадцать часов, и до этого времени я могу петь, играть и шуметь, – всё, что мне угодно!..

Крестьянин кряхтит и только с кислой улыбкой приглашает:

– Пожалуйста, посмотрите, синьор!..

Мы входим в дом, и я снова лечу переодеваться.

А хозяин возвращается и говорит:

– Accidenti! Как же тут устроить, чтобы не рассердился первый, если этот будет кричать?..

Мне-то всё равно, я раньше одиннадцати и сам не ложусь... Этот и проще, как будто, да только выторговал себе на два франка меньше, чем я хотел... Ну, авось, всё уладится!.. Только бы англичанин не рассердился!..

В это время я вхожу французом... На мне шапка-блин, пелерина, и, вообще, костюм художника. В руках ящик с красками, и нечто вроде саквояжа. Грим молодой: усики, тонкая бородка и длинные волосы...

– А, здорово, старик!.. Есть комната?

– Есть, есть, синьор!

– За сколько?

– От двух франков в день; если помесечно, то дешевле!

– О, нет, – это дорого!.. А за полтора не сдадите?

– Не могу, синьор... посмотрите сами, – комнаты прекрасные, светлые, чистые... И стол хороший, вкусный...

– Это мне всё равно... Я непривередлив... Так сдадите за полтора?

– Ну, уж для вас, синьор...

– А есть ещё жильцы?

– Да... недавно приехали... англичанин, немец...

– Немец?!.. Чтоб его чёрт побрал!.. Ну, а эта черноглазая девчонка? Дочка, что ли?

– Sì, signore!.. Мать умерла уже два года... Она...

– Хорошо, хорошо... мне тут нравится. Но, значит, так: полная свобода!.. Как насчет пения, шума?..

– Как вам сказать?.. Вот немец просил разрешения до одиннадцати...

– Что?!.. Этот осёл будет рычать до одиннадцати часов?! Хорошо. Так я ему до двенадцати буду петь «Марсельезу»!..

Пока я гримируюсь за сценой, хозяин, уже достаточно пасмурный, обращается к публике со словами:

– Santo Dio! Я уж и не знаю, как всё это будет... Этот французик – скряга отчаянный, и как только увидел, что немец из окна о чём-то болтает с Викторией, как сейчас же стал насвистывать «Марсельезу», да так громко, что англичанин и немец высунулись и соорили самые злобные рожи... Господи, что-то будет?!..

И вот, наконец, выхожу я «русским»... На мне нескладный костюм, нечто вроде картуза; в одной руке – толстый портплед с подушкой; в другой – тяжёлая связка книг... Запахавшись, я обращаюсь к нему со свойственной некоторым русским преувеличенной любезностью:

– Простите, пожалуйста!.. Я хотел бы иметь комнату со столом.

– Пожалуйста, синьор!.. Вам на солнце или в тени?

– Это всё равно... Только недорого, не дороже полутора франков!

– Нет, синьор, это слишком дёшево... При этом у меня чистота и хороший стол...

– Ну, это мне безразлично, лишь бы кругом была природа и чтоб меня ничего не стесняло... Петь у вас можно?

– Да, до одиннадцати... ну, до двенадцати...

– Как до двенадцати?!.. Да я только к этому времени и буду возвращаться домой, потому что я приехал гулять, любоваться Италией, а не сидеть дома...

– Ну, там посмотрим... Пойдёмте, другие комнаты уже сняты... Там тоже иностранцы...

– А!.. Это приятно... я очень люблю компанию!.. А чья это там девочка, хорошенькая, обнимается с молодым человеком?

– Где обнимается?.. Ах, этот бестия-француз!.. А ну, пойдёмте же скорей!

После небольшой паузы, вернувшийся хозяин с отчаянием и скорбью объявляет публике, что с этими жильцами один лишь грех, да и только: что непременно испортят девчонку... А уж этот русский – просто беда... Ему говоришь, что вот тут, в конце коридора, есть дверца общая для всех, так нет: с первой же минуты пошёл в сад... Говорит, что природу очень любит...

Но не успевает хозяин досказать последней фразы, как за сценой раздаётся мой интернациональный вопль и пение... То я начинаю «Deutschland, Deutschland über alles», потом, перебиваю самого себя и затягиваю ещё громче «Марсельезу» и, наконец, на весь театр оглушительно реву нашу родную «Дубинушку»...

Раздаются всевозможные крики и ругань... И вот я выскакиваю «англичанином», бросаюсь с хозяином, и ухожу...

Мне вдогонку несутся его проклятия; затем он бежит уговорить оставшихся жильцов... Но едва открывается дверь, как я уже встречаю его «немцем» и, всячески ругаясь, также скрываюсь за кулисами...

Наконец, за сценой раздаются крики: «Vive la France! Vive la Russie!»

– Фу! – тяжело дыша, говорит хозяин. – Теперь можно и успокоиться! Эти уж, наверное, останутся. Оба держатся принцами, хоть в кармане свистит, как у «лаццарони». Но с них я уже взял вперёд за месяц, и так как они оба не нуждаются ни в чистоте, ни в хорошем столе, то на этих двух я уже, наверное, заработаю!

Ну, вот и всё... Смеялись, говорят, до слёз, чем и оправдали название: «Чтобы немножко поплакали».

Когда, по вызову иностранцев, вышел один только я, уже без грима, раздался гром аплодисментов, и моя карьера артиста-импровизатора была решена, если не мною, то моими товарищами... В ту же ночь с последним поездом вся труппа, а с нею я, уехали в Неаполь.

Как только мы приехали и разместились по небольшим гостиницам, начались усиленные репетиции.

Наши спектакли шли в театре Partenope, где в другое время ставились пьесы на неаполитанском диалекте, где во время карнавала неаполитанские любимцы Пульчинелло и Скарамуччия показывают свои вечно старые и тем не менее вечно новые, забавные приключения.

В первый день шла пьеса – феерия Гоцци – «Король-Олень», прекрасная красочная сказка, которая всегда и всюду слушается с удовольствием, которую актёры особенно любят разыгрывать во Флоренции и Риме, где хорошо понимают истинный юмор и аллегория этой сказки.

В этой пьесе я не был занят и провёл весь день и вечер на берегу, любуясь скалистым Капри.

А на другой день с утра и для меня нашлась работа. Это был праздник св. Иакова, наименее счастливый день детей.

В одной из центральных частей Неаполя, вокруг горы «Monte-Olivieto», и в примыкающих к ней улицах, – происходит ярмарка игрушек, свирелей и певчих птиц. Толпы народа

запруживают всю эту местность, и всё здесь останавливается: трамваи, лошади и автомобили... Только густая народная масса переливается с улицы на улицу...

В этот день решено было поставить для детей «Жизнь Пульчинелло» – комические сценки из его весёлой биографии.

Маленький театр был буквально завален детьми; представление началось в 6 часов вечера и длилось часа два...

В числе бесконечных lazzi, которые выделялись многими актёрами и смешили звонкоголосую аудиторию не меньше самого Пульчинелла, были и мои номера; для этого я использовал некоторые свойства моего лица, а именно – очень сильную подвижность правой стороны и сравнительную неподвижность левой...

Загримировав правую сторону жёлтым грунтом с японскими чертами, а левую – серым грунтом, ухарски казацкой, и сшив костюм, представляющий наполовину русскую, наполовину японскую одежду, я представлял, искусно играя руками, лицом, ружьём и саблей, – Русско-японскую войну...

Позже вечером я сидел с Терцини и Раффаэло в кафе «Вилла Националь», где играл военный оркестр и пели какие-то певцы...

Мы обсуждали втроём историю театра, зависимость Гольдони и Мольера от «Комедии дель-Арте» – и Раффаэло обещал мне подарить из библиотеки кое-какие старинные сценарии...

Назавтра меня освободили, и я решил отправиться на Везувий.

Из последующих новых постановок для меня нашлась работа в «Летающем Докторе», в «Сплетнях» и «Честной девушке», в пьесах, частью просто импровизационных, частью же с соблюдением текста Гольдони, в общем, требующих от актёра значительного авторства в области сатиры, шутки и музыки...

Как певец, я понадобился в «Летающем Докторе», где в тот момент, когда Доктор хочет осмотреть больную, я начинаю петь, – и все прислушиваются, не исключая и Доктора. Я кончаю куплет, и Доктор, наклонясь к Арделии, снова начинает пространное медицинское предисловие; произнеся его, он хочет приняться за осмотр, – но снова я начинаю петь, и снова все, включая и больную, прислушиваются к пению... Так продолжается до трёх раз, после чего, подойдя к кулисам, взбешённый Доктор восклицает:

– Баستا, баستا, каналья!... Если один осёл выучил тебя пенью, то другой тебя вылечит от него!

В «Сплетнях» мне, наконец, дали настоящую роль, и я был в полном смысле слова – счастлив...

Я уже научился бойко разговаривать по-итальянски, память у меня была чудесная, – и вот мне дали роль мальчишки Мерлино, который, не желая впредь таскать на голове соломенные корзины, мечтает стать бездельником-лаццарони и выпрашивать милостыню, что гораздо прибыльней и веселее всякого труда...

Чтобы показать свою подготовленность к этой деятельности, мне приходится проявить своё искусство притворяться – то слепым, то безруким, то хромым... В заключение я распеваю весёлые уличные песни и с гримасами и сальтомортале – вылетаю со сцены...

Это уже была роль... Терцини и Чиони открывали передо мной дорогу к настоящему народному театру... Но и тут, как всегда, моё непостоянство отвлекло меня в другую сторону, и следующий спектакль – «Честная девушка» – был последним с моим участием, где я снова был певцом, «мешающим» в момент объяснения в любви...

На другой день, простившись с милыми товарищами, я опять перешёл на пение по улицам и ресторанам, потому что на этот раз я уже не был один... У меня нашлась прелестная спут-

ница, которая прекрасно аккомпанировала мне на гитаре и мандолине, да и пела она недурно, – благодаря чему и моё пение много выигрывало, и дорожке оценивалось...

В заключение я скажу еще раз, что театр «Комедии дель-Арте» не умер... Он существует... Но научиться ему можно не в школьных студиях (где можно проверить способность к импровизации, но не научиться ей), а только в театре, подобном тому, в котором случайно подвизался я... Кроме того, «Комедия дель-Арте» может существовать только в такой исключительно экспансивной стране, – где рампа является настолько узенькой чертой, что сплошь и рядом трудно бывает уяснить себе – по какую сторону театрального занавеса происходит лицедейство: там ли, где блестят огоньки рампы, или в полумраке зала...

У нас на сто актёров едва ли найдётся два, которые сумели бы быть художественными импровизаторами, а там, в Италии, не только на сцене, – но и среди публики таких импровизаторов найдётся по крайней мере десять на сто...

И кроме того, – для театра Импровизации необходимы образы, руководящие общим действием, а таковыми являются *маски*, т. е. носители определённого лица и содержания, но выражающие старые, знакомые всем мысли, – новыми словами и в новых комбинациях...

Встреча на Везувии

Как странно, что Помпею называют Мёртвым Городом. Я редко в жизни встречал такое бесконечное разнообразие кипучей жизни, какое встретил там. Каждый камень, каждая травка, пробивающая дорогу в тени разрушенного дома, каждая надпись сверкающего мрамора – раскрывают тысячи картин, полных шума, блеска и несмолкаемого гула!.. Жизнь, и какая богатая жизнь!..

Долгие часы я бродил по одиноким улицам среди вечных памятников бессмертной красоты древнего гения... Меня сопровождал весёлый гид, интересно рассказывавший о новых раскопках, археологических работах и пр. Болтая и покуривая, мы сели в экипаж и покатали по широкой дороге, окаймляющей подножие Везувия.

К сожалению, путь был до обиды краток!.. Над вулканом слегка колыхалось белое облачко. Зелёные склоны утопали в прозрачной, заметно трепещущей голубоватой дымке... В ближайшей деревушке мы взяли лошадей, но сколько мы ни выбирали – всё было ужасно, и лошади, и сёдла... Когда мы поехали верхом в гору, мне, не шутя, казалось, что я сижу на инквизиционном стуле...

Первые минуты я всецело поглощён был созерцанием. Я любовался праздничной природой, останавливаясь на каждом повороте и безмолвно восторгаясь многоликой панорамой залива, Неаполя и островов, – панорамой, которая с каждым новым подъёмом становилась мягче и живописней.

Но вот, поскакав галопом вперёд, мы увидели за поворотом впереди себя странную смешную кавалькаду. На высокой, худой лошади сидел тучный маленький монах, а на красивой пегой кобылке сидела стройная девушка, подвижная и бойкая; позади же их – вероятно, проводник.

– Кто это? – спросил я у Риккардо. – Очевидно, не иностранцы, а свои?

– Да я и сам смотрю... и глазам не верю... Если это Мелитта, то какого дьявола с ней эта чёрная галка?! – А ну, синьор, дадим-ка ходу и посмотрим!

Мы хлестнули лошадей и, медленно обгоня заинтересовавшую нас кавалькаду, внимательно рассматривали путешественников.

Девушка была очаровательна. Красивое смуглое лицо, блестящие маленькие зубы и весёлая лукавая улыбка, – делали её неотразимо увлекательной.

И так противно было видеть рядом с ней этого толстого, отвратительного старика, которого с трудом тащила даже лошадь!..

Очевидно, он сам не рад был загородной поездке, так как в то время, как мы обгоняли их, он нещадно сопел носом и жалобно ворчал:

– А-а!.. Santa Madonna!.. И для чего придумали эти горы... словно на берегу моря нет хорошего леса, куда можно прокатиться!.. А-а!.. Diabolo!.. Да ведь это вшивая собака, а не лошадь!

Красавица смеялась, то и дело подгоня хлыстом и свою лошадь, и лошадь старого монаха, причём злосчастный padre так смешно хватался за гриву тощей клячи, что становился уже не отвратительным, а жалким.

Проехав ещё несколько шагов, я обернулся перед поворотом и приветственно махнул рукой в сторону девушки. Она сначала улыбнулась, кокетливо потрянула головой и наконец ответила таким же жестом.

Итак, с точки зрения житейской простоты и весёлой юности, у нас уже установилось что-то вроде знакомства.

Но вот перед нами показался «Белый дом», мимо которого змеится белая дорога к раскалённой вершине Везувия... Мы въехали во двор, слезли с лошадей и, сев за столик, заказали завтрак и вино.

Так как в нашей красавице проводник Риккардо узнал действительно Мелитту, о которой он рассказывал, как о самой прелестной девушке на Позилиппском побережье, то я уже ни о чём не хотел думать, как только о знакомстве с нею. И едва они подъехали, – это знакомство состоялось.

Проводник помог монаху сползти с лошади, и тот немедленно уселся за соседний с нами столик; с резким криком «Две бутылки Каприйского!» он облокотился и долго-долго вытирал вспотевший лоб красным платком. Нетерпение и жажда привели его в неописуемый гнев.

– О, Santo Dio! Разве это слуги?! Я уже чёрт знает когда заказал вина, а они его держат где-то под землёй!..

Красавица села возле него, лицом ко мне; несколько раз похлопав старика по плечу, она шутиливо утешала его:

– Ну, что же делать, padre! Ведь вы так хотели прокатиться за город, а теперь вы недовольны!

– Но, чёрт меня возьми, – зачем же было ехать в гору, когда можно было отправиться в Сорренто или в Амальфи!

– Но я уже была там, padre, а здесь я в первый раз, и должна сказать правду, что здесь мне нравится больше, чем где-нибудь!

– А мне – меньше, чем где-нибудь!

И, понизив голос, старик сказал глухим недовольным шёпотом:

– Притом здесь нет никакого леса... и кругом люди... А я хотел быть только с тобой!

На лице девушки появилась недовольная гримаска, но она сейчас же мило улыбнулась и, взглянув на меня, преувеличенно громко сказала:

– Да... но ведь мы же остановимся на ночь в Торре-дель-Греко, у соломенщика Приска!

Я улыбнулся хитрой девушке и, показав на себя рукой, дал ей понять, что остановлюсь недалеко.

Она покраснела и, разлив по стаканам шипучее вино, чокнулась с монахом.

Пока она, медленно наслаждаясь напитком, цедила его сквозь сверкающие зубы, старик опорожнил первую бутылку и уже принялся за вторую.

А через четверть часа усталость взяла верх; положив голову на стол, патер захрапел так дико, так громко, что Мелитта вскочила из-за стола, чтобы пересесть куда-нибудь подальше... Я воспользовался этим моментом: извинившись, я подошёл к ней и представился.

Наши проводники разговорились меж собой и не мешали нам. Мы вышли из ворот на белую дорогу; любуясь окружающей красотой – такой нежной и ароматной, – мы делились впечатлениями, и как-то сразу почувствовали себя вместе легко и уютно.

Я рассказал ей о себе – кто я и что я; рассказал, что сейчас путешествую по Италии и пою под гитару, что играю я плохо, а пою недурно, и что сейчас я работаю в комической труппе, в театре Партенопэ.

В свою очередь она рассказала мне, что она дочь рыбака Джиакомо из Мареккиано, что сама она рыбка и, как говорят, хорошо играет на гитаре.

– Вот и сейчас я здесь только потому, что этот хитрый и нехороший старик – мой крёстный – обещал мне подарить дорогую гитару. А то ведь он давно уже приставал ко мне, чтобы я с ним уехала за город, а я всё не хотела, да и отец был против!

– Да, но если он нехороший старик, как же вы не боитесь остаться с ним на ночёвку в Торре?

– О, если дело дойдёт до этого, так ему от меня так достанется, что он даже «Отче наш» забудет...

А скажите, вы, значит, и дальше поедете с труппой, или вернётесь за границу?

Я покраснел, мне стыдно было сознаться в моём увлечении, но всё же я поднял на неё глаза и тихо сказал:

– Я думал, синьорина, что поеду с труппой и дальше, но теперь я начинаю сомневаться...

А если вы доставите мне удовольствие и придёте в театр, когда я играю, то мне кажется, что я уже больше не захочу ничего иного, как только петь для вас!

Я говорил искренно. Мне было двадцать лет, и я почувствовал, что сердце забилось как-то по-новому, сильно и бодро... Где-то в глубине, впереди меня показался маленький солнечный лучик, но такой тёплый, такой нежный, что заставлял мечтать о нём, стремиться к нему.

– Я рада вашим словам! – говорила девушка, сжимая в руках только что сорванную мной ветку оливы. – Вы так хорошо говорите... Я приду в театр... но не одна, а с отцом и кухней... Я хочу, чтобы и они вас знали... У нас не верят иностранцам... но вам я верю. Вы совсем, как наш. Я никогда не встречала русских... Они все, как вы?... Я хочу, чтобы вы знали вперёд, что вам могут не поверить и подумать, что вы ищете со мной знакомства с нехорошими мыслями... Так вы не сердитесь! Мой папа – человек без предрассудков... Хоть он и простой рыбак, но гарибальдиец... И потому сумеет оценить свободного человека. А я – вам верю.

Мы простояли здесь недолго... Из-за ворот выскочил их рыжий проводник и крикнул:

– Синьорина! Santo padre проснулся; он ищет вас!

Мелитта крепко пожала мне руку и побежала назад... Я остался на месте; когда кавалькада проезжала мимо меня, я слышал, как отдохнувший монах говорил Мелитте:

– О, теперь я очень бодр!.. Только у этого седла такое свойство, что, кажется, меня разрежет пополам!

В этом я ему вполне сочувствовал, ибо то же самое мог сказать и о своём... Риккардо подвёл лошадей, мы уселись и медленно поехали по спиральной дороге, среди потоков застывшей лавы.

Но вот дорожка стала узкой, крутой и мелко извилистой. Мы приближались к кратеру, и почва становилась всё раскалённее и пыльнее...

Всё чаще и чаще нам виднелись на поворотах три всадника, и по тому, как патер пригнулся к шее лошади, я понимал, что он уже утерять значительную часть бодрости, приобретённой сладким сном.

Наконец перед нами – домик гидов, откуда несколько десятков метров до самого жерла приходилось идти пешком, углубляясь в горячий пепел почти по колено. Некоторое время мы шли довольно уверенно и спокойно... Но когда перед нами, на расстоянии нескольких шагов, показался дымок вулкана, идти стало почти невозможно.

Здесь нас снова окружили гиды и пригласили обвязаться верёвками, после чего нас потянут... Подойдя ближе, я увидел, что Мелитта покорно отдала себя в руки проводника, который довольно быстро втащил её наверх. Монах сначала заупрямился, но, выбившись из сил, он на полпути знаками позвал к себе, – и его втащили туда же.

Ну, а я, увидев, что проводники тащат всех по одной определённой линии, пошёл по их следам и хоть не без труда, но добрался к вершине сам.

У самого жерла я увидел смешного англичанина; не в состоянии дожидаться момента, когда ветер отнесёт дым в сторону, он наклонялся ежеминутно над жерлом и, страшно чихая от сернистого дыма, всё-таки силился взглянуть внутрь вулкана...

Мы же с Мелиттой дождались мгновенья, когда отнесло дым... Мы смотрели вниз две-три секунды, но их уже не забыть никогда... Казалось, совсем на близком расстоянии, виднелись огненные глыбы, которые, отваливаясь, шипели и с грохотом рушились и ворочались где-то внизу... Опять метнулся дым... Мы закашлялись и отскочили в сторону.

Когда старика стащили обратно, он был зол, как дьявол, и сонлив, как филин днём...

Он ругал свою крестницу, говорил, что не доедет до Торре и свалится, как последняя колода с лошади; и потому на обратном пути кавалькада имела самый странный и неожиданный вид. Впереди, между двух проводников, ехал полусонный монах, крепко ухватившись за гриву, а позади – довольные и радостные – Мелитта и я.

Эта встреча на Везувии решила мою судьбу и сделала меня надолго жителем Италии и на всю жизнь – тоскующим по ней.

Когда Мелитта рассказала мне о простоте их жизни, я почувствовал душой всю красочность этого рыбацкого мира, и солнце казалось мне таким призывным, что я только одно спросил у Мелитты:

– Скажите, если я захочу остаться рыбаком, как отнесётся ваш отец ко мне и ваши друзья?.. Примут ли они меня так же просто, как вы?

– Не знаю! – тихо сказала красавица. – Но я думаю, что отец полюбит вас как...

Она не договорила, но я горячо схватил её руку, и когда на мгновение наши лошади, столкнувшись, остановились, мне казалось, что остановился весь мир, всё движение, вся жизнь... И обменявшись долгим поцелуем, мы соединили наш влюблённый порыв в единую чудную радость.

Обогнав проводников, мы первыми приехали в Торре-дель-Греко. Уже наступил вечер; соломенщик Приско предложил одну комнату – padre с крестницей, а другую – мне.

Когда монах слез с лошади, он даже не спросил о Мелитте и только крикнул:

– Приско! Где моя комната?

– Здесь, padre!.. Разрешите помочь вам раздеться!

– Не надо!

– Padre, padre, а где же поместиться мне? – со смехом воскликнула Мелитта, видя, как единственную широчайшую кровать занял монах, широко разбросив ноги и руки. – Да ведь вы же так мечтали, padre!..

– Отстань, девчонка!.. Ложись, где хочешь!.. Хоть у чёрта в брюхе!

Общий громкий хохот встретил его замечание... Мы вышли из комнаты, и вместе с проводниками отправились в соседнюю остерию – поужинать.

«Fritto pesce» с лимоном, тонкие спагетти и вкусное вино – помогли приятной беседе.

– Так, значит, Signore russo играет у нас в театре? Великолепно! – говорил рыжий проводник. – А сколько примерно вы зарабатываете в вечер?

– В среднем до 15 франков! – отвечал я.

– О, в таком случае, синьорина Мелитта, вам прямой расчёт сделать нашего гостя гражданином Неаполя! – весело чокаясь, болтал Риккардо. – Муж, получающий около 500 франков в месяц, не валяется на Мареккианском берегу.

Я рассмеялся и с сожалением прибавил, что не каждый месяц удаётся служить в труппе...

– Ну, да всё равно – кто умеет зарабатывать, тот найдёт применение своим способностям!

Мелитта, ничего не отвечая на это, отклоняла всякие попытки возвращаться к разговору о ней и обо мне; она дипломатически расспрашивала о России, о моей семье и о причинах моего пребывания за границей.

В беседе незаметно протекли часа два; потом все отправились на покой.

Проводники и я устроились здесь же в остерии, а Мелитта заняла мою комнату у Приско.

Я не знаю, что было потом со старым крёстным (во всяком случае, новой гитары Мелитта от него не получила), но мы уже в пять часов поднялись, встретились за кофе в остерии и уехали тотчас же в Неаполь.

Я отправился в театр – узнать, нет ли перемены в репертуаре, а Мелитта поехала трамваем в Позилиппо. Мы решили встретиться вечером в театре.

Итак, наступил спектакль, где я изображал «четырёх иностранцев» одного за другим, вызывая много смеха.

Когда представление окончилось, ко мне подошли за кулисами Мелитта, её отец Джакомо – красивый старик с седыми усами и гладко бритым подбородком, и ещё одна девушка – её кузина, черноглазая, стройная Реджина.

– Bravo, bravo, Gregorio! – обратился ко мне старик. – Благодаря вам я хорошо сегодня посмеялся!.. Мне говорила о вас Мелитта... Милости просим ко мне. Будем рады. Вот завтра, если свободны, – приходите!

Я не успел и поговорить как следует с Мелиттой, но во всяком случае решил провести завтрашний день у рыбаков.

Репетиция задержала меня до часа дня, после чего я нанял лодку и поехал к небольшому рыбацкому поселку Мареккиано, за мысом Позилиппо... Когда, подъезжая к берегу, я увидел близ бесконечных душистых садов – белые рыбацьи домики, меня неизъяснимо потянуло к ним; повеяло какой-то настоящей жизнью – трудовой и сладостной.

Встретили меня рыбаки очень приветливо. В это время все они отдыхали, – и, войдя в дом Джакомо, я ощутил одновременно радость и боль. Радость от покоя, которым веяло от всей обстановки этого мира; и боль – от сознания, что я чужой в этом мире, что моя мечта войти в него – почти неосуществима.

Пока Мелитта работала на кухне, а Реджина накрывала на стол, мы разговорились со стариком Джакомо и молодым рыбаком Чезаре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.